

Курт Сеит и Шура

Автор:

Нермин Безмен

Курт Сеит и Шура

Нермин Безмен

Роман турецкой писательницы, который вы держите в руках, переиздавался на родине автора около сорока раз. История любви царского офицера и молодой дворянки впечатлила читателей не только в Турции – книга переведена практически на все европейские языки и по ее мотивам снят сериал «Курт Сеит и Александра». Конечно, многие страницы романа, повествующие о России, могут вызвать у отечественного читателя невольную улыбку, но, с другой стороны, мы не можем не испытывать симпатии к турецкой писательнице, создавшей на основе реальных событий эту удивительную сагу.

Раскроем тайну: Нермин Безмен далеко не случайно повествует о нашей стране с таким теплом и такой доброжелательностью: одним из главных героев книги является ее родной дед.

Нермин Безмен

Курт Сеит и Шура

Nermin Bezmen

KURT SEYT & SHURA

Издательство выражает благодарность Министерству культуры и туризма Республики Турция и проекту ТЕДА за поддержку в публикации настоящей книги

© Nermin Bezmen

© Kalem Literary Agency

© ООО «Издательство К. Тублина», 2018

© ООО «Издательство К. Тублина», макет, 2018

© А. Веселов, оформление, 2018

* * *

Благодарность

Моя дорогая бабушка – любимая Мурка, как называл тебя дедушка, – я благодарю тебя за смелость, с которой ты поведала мне о событиях давно минувших дней, которые ты, наверное, хотела бы забыть.

Дорогая мама Леман Улус (Леманушка), ты тоже помогала мне узнавать прошлое.

Милая тетя Саниха Гёргюлю, ты помогла мне составить фрагменты воспоминаний в связный увлекательный рассказ.

Жак Делеон, дорогой друг, благодарю тебя за то, что помог разыскать мне следы потерявшейся главной героини романа – Шуры! Ты показал мне, с каким увлечением может работать настоящий исследователь.

Уважаемая госпожа баронесса Валентина Клодт фон Юргенсбург (Валентина Таскина)! Благодарю Вас за все то, что Вы мне поведали, и за все фотографии, которыми поделились. Вы рассказали мне о жизни Шуры, поведав даже о ее детстве и отрочестве, и вдохновили меня на создание книги о ней. Увы, я слишком поздно познакомилась с баронессой. Но за последние несколько месяцев ее жизни мы успели поговорить обо всех девяти десятках лет ее жизни. Ее рассказы заставили нас пережить прошлое, вспомнить о годах, оставшихся позади, обо всех, кого она знала и любила. Она с огромным волнением ожидала появления романа о Шуре. Она ничего не знала о сестре, пропавшей из виду много лет назад. К несчастью, мы потеряли баронессу весной 1992 года, когда готовилось к выходу первое издание романа. Мне всегда будет не хватать Вас, баронесса.

Сейчас, в 2018 году, когда «Курт Сеит и Шура» в сороковой с лишним раз готовятся встретиться с вами, я от всего сердца благодарю вас, мои дорогие и преданные читатели, за то, что вы разделили со мной долгие годы жизни моей семьи, а также за внимание, любовь, преданность, все звонки, письма и электронные сообщения, которые я счастлива от вас получать.

От автора

Эта история произошла в действительности. И книга, которую вы держите в руках, – лишь полное приключений путешествие в события, которые я попыталась оживить с помощью силы воображения.

В эти дни, когда книга выходит на русском языке, я переживаю одновременно счастье и смущение. Я так привыкла к героям, которым на протяжении долгих дней дарила душу, что теперь мне трудно распрощаться с ними. Я буду по ним очень тосковать. Возвращаясь в реальный мир, я понимаю, что тени прошлого, любовь, страдания, желания и жизни которых вдохновляли меня, никогда не оставят автора этих строк. Я с большой любовью, грустью и благодарностью вспоминаю героев моего романа, которых уже нет в живых, и надеюсь, что эта книга станет данью памяти и уважения к ним.

Нермин Безмен

Мой дорогой дедушка Курт Сеит, теперь я понимаю тебя гораздо лучше.

Посвящаю эту книгу тебе и очень по тебе тоскую.

Глава 1

Ночь в Петрограде

1916

Город спал под белым одеялом лениво падавшего снега. Большие колеса конной коляски с трудом вспахивали сугробы, когда она медленно ехала от площади Александра Невского, пока наконец не остановилась у обочины перед большим трехэтажным зданием. Возница поднял взгляд на окна и поймал луч света, мелькнувший в одной из комнат на верхнем этаже.

Несколько снежинок, принесенных легким морозным ветром, примерзли к оконному стеклу. Будто почувствовав взгляд возницы, шторы, а затем и тюлевые занавески на окне раздвинулись. Появился мужской силуэт. Мужчина протер изморозь на стекле, махнул и исчез внутри. Человек в комнате проверил часы в свете только что зажженной лампы. Времени было полно. Стараясь не разбудить крепко спавшую рядом женщину, он медленно откинул одеяло, забрался в постель, продолжая сжимать часы. Затем, передумав, отбросил одеяло и встал. Запустив пальцы в волосы, он медленно прошел к окну, отдернул занавеси и посмотрел на улицу. Белизна снега в лунном свете начиналась прямо за окном, покрывая собою сад, заборы, широкий проспект и все прочее. Мир был совершенно белым. Свечение нарастало и слабело вслед за луной, светившей между облаков, несомых ветром. Все выглядело величественным в этой белизне.

Двойные окна и толстые шторы не пускали в комнату холод прекрасного мира. В теплой и довольно темной комнате стоял густой запах смеси женских духов, алкоголя и лаванды от простыней, напоминая о волнующей ночи, которая

завершилась лишь недавно.

Молодой человек отвел взгляд от окна и посмотрел в сторону кровати. Лунный свет и сияние снега снаружи отражались на женщине с обнаженной до талии спиной. В темноте комнаты нельзя было разглядеть цвет ее разметавшихся по подушке волос, но он вспомнил, что они рыжие. Стройная ложбинка сбегала по спине к поясу, где чуть ниже талии начиналась простыня. Округлое правое плечо сияло, как у мраморной статуи.

Молодой человек стоял обнаженной спиной к окну. Холод его, похоже, не беспокоил. Он улыбался, вспоминая прошедшую ночь. На круглом столе перед камином стояла чаша с фруктами, полупустой хрустальный графин и фужеры, поспешно оставленные парой, устремившейся к постели. Как нетерпелива была эта Катя. Или ее звали Лидой? «Какая разница, как ее зовут», – подумал он. Страстная рыжая красотка приложила все силы, чтобы ночь запомнилась.

Молодой человек поднял один из хрустальных фужеров и залпом допил оставшееся вино. Глотая, он дернул головой – вино почему-то обожгло. Потом подошел к зеркалу и зажег лампу, дававшую мягкий желтоватый свет. Теперь видно было лучше. На кушетке валялась куча одежды, он выбрал свою, затем достал свежее белье из среднего ящика комода. Уже направляясь в ванную, он услышал томный женский голос:

– Дорогой, почему ты поднялся так рано?

Молодой человек повернулся, подошел к кровати, держа скомканную одежду. В тусклом свете было видно, как женщина повернулась, показывая круглые плечи и пышную грудь. Подняв руку, чтобы поправить волосы, она потянулась к мужчине. Он с воодушевлением посмотрел на нее. Черные глаза с длинными черными ресницами ответили ему тем же. Она была мастером в использовании томных глаз, умело подчиняя мужчин их магии, ее глаза внушали мечты о великой любви. Она прикрыла глаза и открыла полные губы в ожидании поцелуя. Молодой человек присел на кровать, улыбаясь ее кокетству, не знавшему отказа. От простыней исходил теплый запах тела, смешанный с запахом ее духов. Он не сопротивлялся, но, подарив ей последний поцелуй, попытался освободиться.

– Я должен собираться. Если хочешь, могу отвезти тебя домой.

Она игриво нахмурилась и пожала плечами:

- Нельзя задержаться еще немного?

- Я должен собираться в поездку.

- Куда?

- В Москву.

- Когда ты вернешься? Ты позовешь меня снова?

Она начала выбираться из постели, совершая самые женственные движения, надеясь искусить его и заставить передумать. В ответ он улыбнулся и ущипнул ее за щеку. Затем отправился в ванную.

Пока он мылся, мысли его были далеко. Он не мог вспомнить имя этой женщины. Не то чтобы это было важно, поскольку она была одним из его многочисленных приключений на одну ночь. Они вместе покинули очередной прием. Судя по качеству ее одежды и драгоценностям, она была не рядового разряда. Она, вероятно, появилась на приеме в сопровождении кого-то, того, кто, возможно, ее содержал.

Когда он брился, его мысли отвлеклись от нее и ее имени и он начал строить планы на поездку. Оставался час до встречи на вокзале. Он заторопился, обернул полотенце вокруг пояса и вышел в спальню, где увидел ее уже полностью одетой. Он взял немного одеколona из пузырька на комод и побрызгал им лицо и шею. Затем спросил ее:

- Ты не хочешь принять ванну?

Она ответила кокетливо:

- Я никогда не принимаю ванну в одиночку.

Он улыбнулся, причесывая волосы. Мужу или любовнику этой женщины, кто бы он ни был, придется мириться со многим, подумал он. Он был теперь снова

обнажен и одевался, расхаживая по комнате. Женщина сидела на краю постели, разглядывая его с восхищением. Его волнистые волосы спадали волнами на лоб, а ровно подстриженные усы были каштановыми. У него были яркие темно-синие глаза, прямой нос, изгиб губ говорил как о достоинстве, так и об остроумии. Ямочка на подбородке подчеркивала и без того красивое лицо. Разглядывая его, женщина думала о том, как сильно хотелось бы ей встретиться с ним вновь, и вздохнула. Она хотела задать ему несколько вопросов, но он, теперь одетый в форму и сапоги, вышагивал по комнате туда и сюда, собираясь в дорогу, явно не замечая ее присутствия. Женщина следила за ним с изумлением. Разве не с этим мужчиной она разделила постель и провела несколько восхитительных часов? Она с грустью признала, что, несмотря на ловкие трюки, привязать его к себе не удалось. Сбитая с толку, она вздохнула снова и села на кровать. Из расписной шкатулки на комод он достал кольцо и надел на палец, затем положил часы в нагрудный карман. Она восхищалась этими предметами прошлой ночью и спрашивала его о них, а он рассказал, что бриллиантовое кольцо с сапфирами было семейной ценностью, а золотые часы с эмалью и рубинами – подарком царя Николая II. Она прекрасно разбиралась в драгоценностях.

Вскоре оба были готовы к выходу. Снаружи доносился топот копыт. Мужчина посмотрел в окно. Затем помог ей надеть меховое пальто, меховую шляпу и варежки. Надевая свои, он произнес:

– Теперь мы можем идти. Артем отвезет тебя домой.

Он погасил свет, взял чемодан и шагнул к двери. Она последовала за ним. Ей хотелось, чтобы он на прощание поцеловал ее и попросил о свидании. Она была немного сердита, что он вел себя так, будто между ними ничего не произошло.

Перед дверью на покрывавшем улицу снегу стояли две коляски. Увидев выходящую из дома пару, возницы бросились к обоим. Один возница подхватил его чемодан. Он повернулся к своей спутнице и сказал:

– Артем отвезет тебя к дому. Береги себя.

Он все еще не мог вспомнить ее имя.

Она решила попытать удачи:

– Мы встретимся снова?

– Все может быть.

Она подставила ему щеку для поцелуя, совершенно не смущаясь возниц. Внезапно она решилась на вопрос, который долго не давал ей покоя. Она застенчиво улыбнулась и спросила:

– Извини, не мог бы ты повторить, как тебя зовут?

Его здоровый смех разорвал тишину утра. Ясно, каждый из них немногое запомнит из прошедшей ночи, исключая, конечно, ее окончание. Он отдал ей честь, как будто они только что встретились, и медленно произнес:

– Эминов, поручик Сеит Эминов.

Когда возницы разъехались в разные стороны, Курт Сеит Эминов мгновенно позабыл рыжеволосую женщину, с которой провел прекрасную страстную ночь.

Глава 2

Москва

1916

С Красной площади в сторону Моховой ехала тройка, бубенцы звенели наперегонки с топотом копыт. Вдали колокола Спасской башни пробили восемь вечера.

В тройке рядом с отцом сидели две девушки в меховых пальто, шапках и варежках. Им было немного холодно, и они прижимались к отцу, наслаждаясь звуками и огнями волшебного города. Младшая, Александра, сидевшая справа, вынула руку из варежки и смахнула снежинки со светлых кос, выбивающихся из-под шапки. Она посмотрела на отца и встретила его улыбающийся взгляд. Она

тепло улыбнулась в ответ. Погладив дочь по руке, Юлиан Верженский почувствовал себя хоть и усталым, но счастливым человеком. Затем он повернулся к Валентине, старшей дочери, сидевшей слева. Александра отвлеклась от окружающих красот и посмотрела на него. Каким усталым и изможденным выглядел ее дорогой папочка, но разве не из-за этого они приехали из Кисловодска?

Юлиан Верженский предпринял путешествие в сопровождении дочерей потому, что их семейный доктор настоял на полном обследовании в московском госпитале, в результате которого на следующий день могла потребоваться операция. Хотя Александра не понимала медицинских терминов, она догадывалась, что с легкими отца что-то не в порядке. Слова «операция» и «болезнь» пугали ее. Вся веселость слетела с нее, когда она представила, что может потерять отца. Она с трудом удержалась, чтобы не расплакаться.

А Юлиан Верженский рассказывал историю Москвы и Кремля:

– Первые стены Кремля были построены во время правления Дмитрия Донского. Часы на часовой башне были созданы сербским монахом из Афона...

Внезапно он прервал свой рассказ и повернулся к дочерям, которые грустно слушали его:

– Что с Шурочкой, почему в ее глазах слезы?

Шура улыбнулась, слегка смущенная тем, что ее застали врасплох. Она смахнула воображаемую снежинку с ресниц.

– Я думаю, что это снежинка попала в глаз.

Она улыбнулась. Ей хотелось, чтобы отец никогда не страдал. Отец спросил с беспокойством:

– Ты замерзла?

– Нет-нет, папочка, мне хорошо, поверьте.

– Московская погода, в отличие от кисловодской, сурова и холодна.

– Все равно она очень приятная.

Шура откинула голову и глубоко вдохнула холодный вечерний воздух, пахнувший снегом. Отец, улыбаясь, похлопал ее по руке и объявил, что они доехали до резиденции Боринских. Коляски въезжали в сад через огромные ворота и выстраивались, чтобы высадить пассажиров у широкой мраморной лестницы, ведущей в роскошный особняк, а затем выезжали через вторые ворота. Хорошо одетые женщины смахивали снег с мехов и изящно шагали вверх по ступенькам, придерживая одной рукой широкие юбки, а второй держа под руку также закутанных в меха элегантных спутников.

С того самого момента, когда они въехали в огромные ворота, Шуру охватил неопиcуемый восторг. Это был первый взрослый бал, на который она направлялась. Ей было всего шестнадцать. Ее сестра Валентина была на год старше и уже бывала на таких приемах в Кисловодске. По рассказам Валентины Шура знала, что на таких балах молодые, красивые и благородные мужчины будут выстраиваться в очередь, чтобы пригласить девушек на танец. Когда она поднималась по ступеням лестницы с отцом, ее сердце билось так сильно, что, казалось, вот-вот – и оно остановится. Она предчувствовала, что этой ночью должно случиться нечто особенное. Она не знала что, но внутренний голос обещал ей чудо. Миновав лестницу, в просторном вестибюле они сдали свои пальто и шляпы слугам во фраках, затем поднялись еще на три ступени, направляясь в огромный аванзал, из которого шли дальше, в бальный. Звуки музыки изнутри отражались в залах и коридорах и, нарастая, достигали их. В дверях большого зала церемониймейстер приветствовал гостей с важным видом человека, занятого серьезным делом. Он сделал два шага вперед, стукнул жезлом в пол и громким голосом объявил:

– Господин Юлиан Верженский! Госпожа Валентина Юлиановна Верженская!
Госпожа Александра Юлиановна Верженская!

Затем он отступил и пропустил Верженского и его дочерей. Они сошли по лестнице с перилами, украшенными хрусталем. Гости мимолетно повернули головы, чтобы взглянуть на вновь прибывших, а затем вернулись к своим разговорам. Хозяин, Андрей Боринский, подошел к лестнице, чтобы встретить гостей. По его движениям было видно, что он рад им. Боринский и Верженский были акционерами одной нефтяной компании. И хотя они нечасто виделись, их

соединяла тесная дружба. Боринский тепло поприветствовал друга, затем повернулся к девушкам и воскликнул:

– Боже мой! Юлиан, друг мой, я не могу поверить, что это твои маленькие прелестные дочурки. Они всё такие же милые, даже стали еще милее, но они теперь уже не дети. Как летит время. Пойдем, позволь мне представить тебя друзьям.

Девушки последовали за отцом и хозяином, чтобы присоединиться к другим гостям. Валентина ступала легко и уверенно, Шура не могла сдержать восторг. Она боялась смотреть вокруг, чтобы не встретить взгляд, который мог бы прочесть ее волнение. Она лишь прошептала сестре на ухо:

– Тиночка, пожалуйста, не оставляй меня одну...

Валентина, изящно придерживая подол розового вечернего бального платья, улыбнулась сестре:

– Не беспокойся, Шурочка, ты бы так не говорила, если бы видела глаза людей, которые с восхищением смотрят на тебя.

Чтобы проверить слова Валентины, Шура опасно перевела взгляд направо, затем налево. Сестра, должно быть, шутит, подумала она, но вдруг ее взгляд встретился с парой синих глаз, пристально следивших за ней. Ей показалось, что тело пронзила молния. Лицо залилось румянцем, сердце заколотилось. Она быстро отвернулась и посмотрела вниз. Ее отец беседовал с каким-то бароном. Валентина начала переговариваться со смазливой девочкой, которую они встречали в Кисловодске, имени ее Шура не запомнила. Она вновь почувствовала взгляд молодого человека, но была слишком испугана, чтобы обернуться. Она мяла шелковую ленту сумочки, которая была подобрана специально в тон ее сиреневому платью. Ее длинные светлые волосы были впервые уложены в шиньон с завитками по сторонам. Увидев ее наряд этим вечером, папа с сестрой сказали, что она восхитительна. Ей тоже казалось, что она выглядит красивее, чем обычно. Так она чувствовала до тех пор, пока они не приехали на прием, но сейчас среди стольких красивых и ухоженных женщин, уверенно прогуливавшихся вокруг, она чувствовала себя неопытной девочкой. Как она будет танцевать с молодым человеком, которого она совсем не знает, если ее привел в смущение один лишь взгляд? Она чувствовала, что не сможет

ни с кем танцевать, что просидит весь вечер, как цветок в клумбе, в углу зала, глядя, как развлекаются другие.

Кивнув, ее отец предоставил ей право самой выбрать бокал вина с серебряного подноса, который держал слуга. Юлиан Верженский вел серьезный разговор с хозяином и двумя гостями о нефтяных акциях и забастовках рабочих. Валентина болтала с подругой о веселых ночах в кисловодском курзале. Шура взяла вино, сделала вначале маленький глоток, затем глоток побольше. Она думала, что вино придаст ей уверенности и рассеет робость. В надежде вновь увидеть молодого человека, взгляд которого так потряс ее, она повернула голову в том направлении. Не увидев его там, она почувствовала стыд и разочарование, но, сделав еще один глоток вина, немного успокоилась. Внезапно она вновь ощутила обжигающий удар и подняла голову. Те же синие глаза смотрели на нее.

Оркестр играл ноктюрн Чайковского, но звуки музыки доносились словно издали. Ей было трудно даже поддерживать разговор, продолжавшийся рядом с ней. Ноги заскользили по полу. Ей казалось, что люди вокруг слышат, как бьется ее сердце. Молодой человек, держа бокал, вел обычный светский разговор с несколькими приятелями в офицерской форме, при этом не отрывая взгляда от нее, красивой девушки в сиреновом платье. В этот раз она тоже не отвела взгляд. Он улыбнулся и почти незаметно кивнул ей. Шура тоже улыбнулась, робко, и отвернулась, пытаясь делать вид, что слушает Валентину и ее подругу, но ее сердце колотилось как безумное. Допивая вино в бокале, она услышала предупреждение Валентины:

– Шурочка, вечер еще только начался. Если ты будешь пить так быстро, ты не сможешь не только танцевать, но даже ходить.

С пылающими щеками и блестящими глазами, Шура улыбнулась сестре. Пары двинулись в танцевальную часть зала, так как оркестр заиграл польку. В точности как и описывала Валентина, молодые люди один за другим приглашали девушек. Боясь оказаться следующей в очереди, Шура решила было выйти из зала, но было уже поздно. Она видела, как молодой человек с яркими синими глазами разговаривал с хозяином и хозяйкой бала, а рядом с ними стоял еще один юноша.

Андрей Боринский решил подойти к Шуре и Валентине вместе со своей маленькой компанией. С улыбкой он сказал девушкам:

– Дорогие Валентина и Александра, я хотел бы представить вас этим двум молодым людям. Мой сын Петр Боринский и его близкий друг Сеит Эминов, оба поручики.

Молодые люди завершили представление коротким поклоном. Шура вслед за сестрой с улыбкой поклонилась. Когда Петр пригласил Валентину на танец, у Шуры перехватило дыхание. Теперь была ее очередь. Сеит Эминов склонился перед ней, щелкнул каблуками, протянул правую руку и сказал:

– Позвольте пригласить вас на танец, мадемуазель?

Она не смогла найти сил ответить на эти слова. Волнение было слишком велико. Предчувствие, с которым она входила в этот дом, сбывалось. Она никогда не думала, что ее так запросто может пригласить на танец незнакомый мужчина. Но этот человек, чей взгляд пронзил ее, мог управлять ею, как хотел. Он был так красив и внушителен в своей форме, в высоких блестящих сапогах, что, когда, держа ее за руку, он повел ее танцевать, у нее не было сил отказаться. Она даже не ответила на его вопрос. Не говоря ни слова, она доверила себя вежливо, но твердо удерживавшим ее рукам незнакомца. Пока она кружилась с ним снова и снова, сердце стучало где-то в ушах, щеки пылали, синие глаза осыпали ее искрами, и Шуре казалось, что она попала в прекрасный сон. Его пристальный взгляд волновал и смущал ее одновременно, и она отвела глаза. Что ей отвечать ему, если он решит что-нибудь спросить?

Она не знала, сколько времени продолжалась эта сладкая пытка, так как каждая ее мысль, каждое действие происходило по воле незнакомца. Хотя другие пары несколько раз поменялись партнерами, они с Эминовым продолжали танцевать. Она боялась, что потеряет молодого человека из виду, если выйдет из танца. Они танцевали. Их глаза встречались, пока она обходила его вокруг, дав ему руку, а другой поддерживая подол платья, а он стоял на колене, держа ее за руку. Его ироничный и веселый взгляд, несколько резкие, но приятные и милостивые черты лица создавали искры, которые поражали ее. Ее маленькая нежная рука чувствовала его теплую и надежную ладонь, дрожь которой передавалась всему ее телу.

Когда танцы завершились фанфарами, молодой человек медленно повел ее из круга. Шура шла за ним покорно, ощущая волнение, обуреваемая жаждой неведомых прежде приключений, не говоря ничего, не задавая никаких

вопросов, отдавая себя его воле. Незнакомец, чье имя ей только что назвали, повел ее из зала, взял ее пальто у гардеробщика и накинул на плечи. Они шли через анфиладу комнат, пока не достигли зимнего сада в глубине здания. На мгновение Шура вспомнила об отце и сестре и о том, будут ли ее искать. Все происходящее казалось ей нереальным, ей не верилось, что у нее хватает смелости делать это. Она гадала, что люди подумают о ней. Со страхом она следовала за Сеитом в сад. В саду никого не было. Красивые тюлевые занавески шевелились от ветра, светил мягкий свет. Она ждала, затаив дыхание, боясь, что молодой человек будет думать о ней как о кокетливой ветреной девушке, привычной к таким вещам. Она никак не могла бы доказать противоположное. Оба не проронили ни слова. Она задрожала от волнения и чувства вины одновременно. У нее не хватало смелости поднять голову и посмотреть на него. Она затаила дыхание и ждала.

– Вы замерзли?

Голос молодого человека был низким, мягким и теплым, почти неслышным. Он обернул ее пальто немного теснее и поднял ей воротник. Шура почувствовала, как от прикосновений его рук возле шеи и подбородка ее пульс ускорился. Она не знала, что делать с руками. Когда она подняла их, чтобы придержать воротник, их пальцы соприкоснулись. Несмотря на холод, она чувствовала, что ее лихорадит. Щеки пылали. Она не могла заставить себя поднять голову и посмотреть ему в лицо. А Сеит любовался застенчивой девушкой, стоявшей перед ним. Он чувствовал тепло внутри. Как отличалась она от других. Она должна быть намного моложе его самого. Даже пальто не скрывало, как стучит ее сердце. Ее светлые волосы падали на лоб, а щеки пылали. Длинные темные ресницы оттеняли большие, синие, слегка раскосые глаза. Изящный, чуть вздернутый нос завершал эту послушную, робкую красоту. На мгновение он подумал, что надо бы вернуть ее в зал, чтобы избежать скандала и, возможно, не ранить ее честь, ее чистоту и красоту. Но их глаза встретились. И Сеит после всего того, что он уже натворил, после всех женщин, с которыми он бывал все эти годы, был, к собственному удивлению, сражен этой юной невинной девушкой. Они смаковали потрясающее притяжение, сильнейшее притяжение между ними. Горевшие глаза Шуры, покрасневшие щеки, вздымающаяся грудь, губы, раскрытые слишком застенчиво, – все было для Сеита теплым предложением любви, особым типом очарования, с которым он никогда не сталкивался раньше. Он чувствовал нежное тепло, которого ему всегда не хватало в одиночестве. Он не мог в это поверить. Это тепло дарила ему маленькая девочка, которую он прежде даже не встречал. Он отбросил мысль вернуться в зал. Нет, он останется здесь, вдалеке от остальных, и попробует

узнать ее лучше. Возможно, перед ним стоит его судьба.

Сеит легонько коснулся руки девушки. Он боялся испугать ее. Шуре, глядевшей ему в глаза, казалось, что она находится в волшебной стране. Они стояли в зимнем саду, за окнами медленно падал снег, издали лилась музыка. Она собралась с духом и подняла голову, чтобы лучше видеть человека, который привел ее сюда.

Снежинки танцевали перед изящным светильником за окном, звуки музыки разносились по дворцу в ночи, все было частью волшебного сна. Шуре казалось, что ее ноги вот-вот оторвутся от земли и она взлетит, вот какой она ощущала подъем. Она пробормотала:

– Мне нужно идти... Меня будут искать... Сеит внимательно посмотрел ей в глаза:

– Мы увидимся еще?

Шура подумала, что он прощается, и расстроилась.

– Вы уходите?

– О нет, я буду здесь сегодня весь вечер. Я имел в виду позже. Где вы живете? Сможем встретиться снова?

Она не верила своим ушам. Этот бравый офицер, стоявший перед ней, хотел встретиться. Но как это сделать?

– У моего отца обследование в госпитале завтра. Я не знаю. Я не думаю, что мне разрешат выходить из гостиницы одной.

– Как насчет выходных? Вас не будет на благотворительном приеме в Большом театре, который организуют Боринские?

– Дядя Андрей говорил моему отцу что-то об этом. Я думаю, они договаривались пригласить Валентину и меня. Я не знаю. Все зависит от самочувствия отца. Может, мы будем.

Сеит улыбнулся:

– Отлично! Значит, мы снова встретимся. Теперь позвольте проводить вас обратно к гостям.

Шура, словно очнувшись, пошла в сторону выхода из зимнего сада, пытаясь восстановить душевное равновесие. Она боялась, что ее глаза выдадут, что случилось, первому встречному. Нужно было успокоиться. Когда они шли в зал, он случайно прикоснулся к ее плечам. Она остановилась и повернулась к нему. Сеит с трудом сдержался, чтобы не обнять ее. Но только открыл дверь и придержал, пропуская ее.

Вскоре они присоединились к веселой компании, разгоряченной вином, музыкой и танцами. Шура вздохнула свободно, увидев, что ее не хватились, но теперь ей отчего-то было тревожно. Она боялась потерять молодого человека, с которым их так тянуло друг к другу. Согласно правилам польки они танцевали с другими партнерами, чтобы затем сойтись вновь. Каждый раз, когда они танцевали вместе, ее сердце билось так, что ей самой делалось страшно. А когда они менялись партнерами, она страдала и ревновала.

Всякий чудесный сон когда-нибудь кончается, у этого сна тоже был конец. В полночь Юлиан Верженский сообщил дочерям, что им пора идти. Девушки неохотно согласились. Они знали: отцу на следующий день предстоит лечение в больнице, ему нужен отдых. Прощаясь с Боринским, Шура краешком глаза искала Сеита в надежде увидеть его еще раз. Но его рядом не было. «Кто знает, с кем он флиртует сейчас», – подумалось ей. Ей было неприятно, что она придает мимолетной встрече такое значение. Она чувствовала себя глупой. Даже если бы отец настоял, она бы не осталась здесь ни минутой дольше. Ей хотелось вернуться в их гостиничный номер, остаться одной и поплакать. Слезы уже навернулись на глаза. Пытаясь надеть сумочку на запястье, она уронила муфту. Она едва успела подобрать юбку и нагнуться, как услышала его голос. Он поднял муфту и протянул ей. Его прикосновение было мягче меха муфты. Он заглянул ей в глаза и прошептал:

– Я буду ждать вечера субботы.

Шура, трепетавшая, как лист на ветру, пробормотала что-то невнятное, прежде чем сбегать по лестнице к сестре и отцу. Ей хотелось кричать от счастья.

Внимание было неподдельным. Она вновь увидит его.

«Боже! О, помоги мне, господи! Дай мне увидеть его, пожалуйста!»

Внезапно она вспомнила, что на следующий день у отца операция. По дороге в гостиницу она молилась Вседержителю и Богородице и просила о двух вещах: чтобы отец был здоров и чтобы она вновь встретилась с человеком, в которого влюбилась.

* * *

В приемном покое Голицынской больницы на Большой Калужской улице две девушки ожидали новостей из операционной. Поддерживая друг друга, они сидели, держась за руки. Они видели отца, перед тем как его отвезли в операционную. Они поцеловали его и пожелали удачи. С тех пор прошло более четырех часов, а они все ждали. Их тревога потихоньку перерастала в страх. Они молились про себя и ждали, боясь проронить хоть слово. Приемный покой больше напоминал гостиную хорошо обставленного дома. Единственное, что напоминало о больнице, – легкий запах дезинфекции, распространявшийся от коридора. Внезапно дверь распахнулась, и появился Андрей Боринский. Девушки вскочили и подбежали к нему. Со слезами на глазах они спрашивали:

– Дядя Андрей! Операция закончилась?

– Как отец? Пожалуйста, скажите нам.

Андрей Боринский обнял их за плечи и попытался успокоить:

– Тише! Я уверен, что все хорошо.

Валентина, все еще сомневаясь, спросила сквозь слезы:

– Операция идет слишком долго, дядя Андрей. Вы уверены, что с отцом ничего не случилось?

– Я уверен, дитя мое, я уверен. Доктор сказал, что все прошло по плану. Не забывайте, вашему отцу делают очень серьезную операцию. Это требует некоторого времени, но, поверьте мне, все под контролем. Не беспокойтесь, я тоже жду здесь вместе с вами. Как только наш дорогой Юлиан покинет операционную, нам сообщат. А теперь успокойтесь. Идемте присядем. Расскажите мне о Кисловодске. Как там жизнь? Так же весело, как в Москве?

Валентина начала отвечать на его вопросы. Шура растерянно смотрела в окно, прижавшись лбом к стеклу, потом стерла чуть-чуть изморозь со стекла и стала смотреть, как на сад падают снежинки. Путь некоторых снежинок она пыталась повторить, рисуя указательным пальцем по стеклу. Как все было безмятежно там, снаружи. Слезы навернулись ей на глаза. Она не хотела даже думать о том, что отец может умереть. Она потянулась к крестик на золотой цепочке и сжала его. Потом подняла голову. Небеса были покрыты серыми снежными облаками. Беспокойство нарастало. Лишь бы с отцом все было хорошо. Она чувствовала стыд за молитвы прошлым вечером. Молитвы должны были быть только об отце, да простит ее Бог, если он слышал их. Но она весь вечер молила Небеса о встрече с человеком, с которым едва познакомилась. Если что-то случится с отцом, она никогда себе этого не простит.

Еще час спустя главный хирург наконец-то вошел в приемный покой. Они затаили дыхание.

– Слава богу, все прошло отлично. Скоро придет хирург вашего отца и расскажет подробности.

Девушки обнялись, облегченно вздохнув. Им хотелось увидеть отца немедленно.

– Пока нельзя, он сейчас глубоко спит, но, поверьте, с ним все в порядке. Думаю, вам надо пойти отдохнуть. А завтра утром вернетесь и сможете недолго побыть с ним.

Доктор выглядел уверенно, так что не было смысла спорить с ним. Боринский решил помочь доктору увести девушек.

– Пойдемте! Сейчас поедемте к нам, отговорки не принимаются! Не думаете ли вы, милые барышни, что я оставляю дочерей лучшего друга одних в гостиничном номере?

- Но, дядя Андрей, у нас вещи в гостинице!

- Ничего страшного. По дороге мы заедем в вашу гостиницу, и вы заберете все ваши вещи. Мы в любом случае вернемся сюда завтра утром. Вашему отцу мы скажем, что вы у нас. Не пойму, почему мы не позаботились об этом раньше.

Ночью у Боринских сестры с трудом дождались утра. Встреча с отцом, однако, была не такой радужной, как они ожидали. Им не разрешили войти к нему в комнату, потому что он был еще слишком слаб. Им разрешили только посмотреть на него через стекло в двери. Шура с трудом узнала его - так он был изможден и слаб. Усы и бороду отцу сбрили. Глаза его казались меньше, черты лица заострились. Вокруг шеи торчали какие-то трубки. Девушки смотрели на отца в замешательстве. Доктор сказал отцу что-то. Юлиан Верженский попытался повернуть голову в сторону двери. Доктор попробовал помочь ему, придерживая трубки и подкладывая подушки. Бледное лицо повернулось, и глаза отца взглянули в сторону дочерей. С большим трудом он изобразил подобие улыбки. Они в свою очередь помахали ему, с трудом сдерживая слезы. Слабое движение оставило Верженского без сил. Застонав, он закрыл глаза. Доктор дал знак уйти, а пациенту помог лечь в прежнем положении. Главный врач повел Боринского и девушек прочь от палаты. Шура плакала. Валентина негодовала:

- Что с отцом? Разве ему не должно быть лучше?

- С вашим отцом все в порядке, барышня. Просто он перенес тяжелую операцию, поймите, и нужно время на поправку, - голос доктора был тихим и обнадеживающим.

Вмешался Боринский:

- Пожалуйста, расскажите все как есть, доктор, чтобы барышни отбросили все опасения.

Большая часть пояснений была непонятна - девушки были незнакомы с медицинской терминологией. Шура поняла одно: отец отныне будет жить с трубкой в горле. Может быть, Валентина поняла больше, но Шура не посмела переспросить.

Они вернулись домой, не проронив ни слова. Боринский пытался развеселить их. Он громко хлопнул в ладоши и сказал:

– Девушки! Ну-ка соберитесь! Что случилось? Ваш отец спасен, а вы грустите, будто, не дай бог, стряслось что-то нехорошее! Через несколько дней он встанет, и мы снова будем вместе. Если вы будете сидеть грустные, я уверен, что ему будет плохо. Так что веселее! В любом случае я не хочу, чтобы в субботу вечером меня сопровождали две печальные девы. Давайте оживайте уже.

Сердце Шуры екнуло при упоминании субботней ночи. Как она могла забыть? Она сомневалась, что сможет пойти в Большой. Как можно развлекаться, когда отец в больнице? Валентина как раз собиралась сказать то же самое. Как будто предвидя это, Боринский протестующе поднял руку, покачал головой и сказал:

– Нет-нет! Даже слышать не хочу об этом. Вы ничего не добьетесь, сидя здесь. Более того, ваш отец хотел, чтобы вы были на приеме. Если вы не смените своего мрачного настроения, как вы собираетесь встречать его? Не беспокойтесь, я буду возить вас в госпиталь каждый день, так что вы сможете видеть его. Вы будете с ним столько, сколько позволит доктор. В остальное время будете вести свой обычный образ жизни.

Бодрое и обнадеживающее поведение графа Андрея Боринского несколько расшевелило сестер. Они согласились с его словами. Потом поблагодарили его и разошлись по комнатам. Теперь обеим было намного лучше.

На следующий день отцу тоже стало лучше. Во всяком случае, он уже не выглядел столь бледным, как накануне, да и в целом казался живее. Однако им так и не разрешили входить к нему. Доктор сказал, что нужно время. В тот день сестры уезжали из госпиталя в хорошем настроении, думая, что дядя Андрей был прав. Больше всего отцу нужны были их ободряющие улыбки. А еще он не должен был переживать из-за отсутствия супруги, оставшейся в Кисловодске.

Суббота началась с обычного визита в госпиталь. Наконец доктор разрешил им войти к отцу в палату и сказать ему несколько слов. Вернувшись из госпиталя, они начали собираться на бал.

Чем ближе становился вечер, тем меньше спокойствия сохраняла Шура. От волнения даже заболел живот. Шумело в голове. Сводило ноги. В общем, налицо

были все проявления влюбленности. Ей не хотелось ни с кем говорить, ей хотелось молчать, потому что в голове была только одна мысль: о незнакомце. Когда она молчала, ей казалось, что она с ним. А может быть, в суете огромного театра они сегодня не встретятся. Может, он придет на вечер с другой. От этой мысли веселье испарилось и сердце тоскливо заныло. Она испытывала смешанные чувства. Перебирала свои платья, не понимая, какое надеть. Она просто не могла сосредоточиться. Может, стоит посоветоваться с Валентиной. Любимое сиреневое платье она уже надевала в прошлый раз. Наконец Шура выбрала желтое платье с белыми цветами, вышитыми на воротнике и юбке. Приложив его к себе, Шура подошла к зеркалу, подхватила длинные светлые волосы и внимательно осмотрела себя. То, что она увидела, ей не понравилось, и она бросила платье на кровать. Цвет платья совершенно не сочетался с синевой ее глаз и цветом волос.

Затем она решила надеть розовое платье из органзы. Валентина сегодня не наденет розовое. Шура приложила розовое платье к себе и решила, что голубое ей будет лучше. Сегодня вечером она должна быть особенной, более красивой, чем когда бы то ни было. Наконец, она остановилась на бирюзовом шелковом платье из тафты. Еще оставалось четыре часа до выхода... время текло так медленно.

Валентина зашла в комнату к сестре в полвосьмого и застала ее нервно вышагивавшей с шелковым платком в руках, полностью одетой и готовой к выходу.

- Шурочка моя, ты выглядишь как принцесса из сказки.

Шура посмотрела на сестру, которая тоже была хороша в белом платье, украшенном розовыми шелковыми лентами.

Когда часы пробили восемь, сестры еще раз взволнованно оглядели себя в зеркало.

Девушки спустились по лестнице - Валентина впереди, Шура за ней. В вестибюле стояли какие-то люди. Шуру как паром обдало. Она чувствовала, что покраснела. На мгновение она задержалась на ступеньке и крепко ухватилась за деревянные перила. Ее теплая нежная ладонь пылала на холодном дереве. В зале стоял ожидавший их дядя Андрей с двумя молодыми мужчинами в форме.

Одним из мужчин был сын графа Андрея, Петр Боринский, а вторым был человек, встречи с которым Шура так ждала, Курт Сеит Эминов. Она подумала, что чем медленнее она будет спускаться, тем больше времени у нее будет, чтобы прийти в себя. Но, как только Шура почувствовала на себе взгляды мужчин, она заторопилась за Валентиной. Граф Андрей Боринский восхищенно воскликнул:

– Господа, как же нам повезло сегодня! – Он улыбнулся молодым людям. – Вы сегодня едете в Большой театр с самыми красивыми и элегантными барышнями Москвы. Какая удача для всех нас!

Андрей Боринский подошел к лестнице, взял девушек за руки и помог спуститься по последним ступенькам. Молодые люди склонились в поклоне.

– Нам нужно немедленно выходить. Если бы я не был хозяином бала, я бы предложил вам выпить. Однако нам надо быть там до того, как начнут съезжаться гости. – С этими словами Боринский направился к двери, все последовали за ним.

Андрей Боринский посадил сестер к себе в экипаж. Остальные поехали на наемном. Шура с трудом сдерживалась, чтобы не смотреть назад. Валентина завела беседу в своей обычной непринужденной манере. Ее лицо светилось радостью. Снег шел весь день, но теперь метель стихла. Ветер тоже сник. Экипажи проехали по Моховой и остановились на Театральной площади.

Шура собиралась выйти самостоятельно, но Сеит помог ей. Она изящно протянула ему левую руку и вышла, поддерживая юбку правой. Он держал ее руку твердо, но деликатно. Поднимаясь с ним по лестнице, она представляла, что сейчас продолжается прошедший вечер. Почему-то ей было страшно повернуть голову в его сторону, хотя она знала, что он смотрит на нее, и ей это было приятно. Она чувствовала, что должна как-то ободрить его. Когда они входили в зал, она повернула голову и посмотрела на него. Глаза ее в эту минуту блеснули. Его глаза блеснули не меньше. Может, встреча была и последней, но молодой человек пленил ее навеки. Шура дрожала. Внутренний голос говорил ей, что она безнадежно влюблена и любовь эта явно будет бесконечной и принесет много страданий.

В фойе он выпустил ее руку и поклонился. Гостей Андрея Боринского было уже очень много. В толпе Шура и Сеит с трудом видели друг друга. Каждый раз, когда он мельком ловил взгляд ее робких глаз, его терзало желание приблизиться к ней.

Подали икру и французское шампанское, а гости заняли свои места в театре. Шура и Валентина сидели в ближней к сцене ложе. Когда гасли огни, вошел Андрей Боринский и сел рядом с ними:

– Я надеюсь, вы довольны креслами. Пожалуйста, простите мое отсутствие, мне нужно обойти всех гостей. Особенно тех, кого я не пригласил к нам после спектакля, так что они могут обидеться, если я не переговорю с ними. Я приду к вам до окончания представления. После, пожалуйста, никуда не ходите и ждите меня здесь.

Визиты дяди Андрея были столь же кратки, сколь и его речь. Едва договорив, он исчез за толстыми бархатными занавесями. Девушки переглянулись и улыбнулись. Шура смотрела в соседние ложи. Женщины, одна красивее другой, в драгоценностях, соревновались пышностью и величием с декорациями Большого театра. А Шура сидела с одним лишь золотым крестиком и в простом бирюзовом платье и, кажется, вообще не смотрелась на их фоне. Она заметила очень красивую женщину в соседней ложе. Ее знойные глаза и длинные волосы были черны, как ночь. Когда она говорила, ее глаза, губы, плечи, руки, вообще все ее тело как бы двигалось, она прижимала пальцы к шее, слегка касаясь кожи, чтобы обозначить чувственность. Судя по тому, как ее спутник внимал ей, ее старания имели успех. Внезапно голос Валентины привлек ее внимание.

– Шурочка, посмотри, кто там.

Шура посмотрела в том направлении, но не могла разглядеть.

– Смотри, здесь Лола Полянская, девушка с вечеринки Андрея, моя подружка из Кисловодска. Она со своими родителями. Они зовут нас сесть к ним.

Шуре не хотелось сидеть с незнакомой девушкой.

– У нас прекрасные места, Тиночка, представление вот-вот начнется, я не хочу идти.

– Пойдем, Шура, пойдем, дорогая, они всего в двух ложах от нас. Мы просто перейдем туда.

– Давай, иди. Когда дядя Андрей вернется, он будет искать нас здесь, будет плохо, если не найдет. Я останусь.

Валентина неуверенно поднялась:

– Но я не могу оставить тебя тут одну.

– Не беспокойся, Тиночка, со мной все будет хорошо. Иди к своей подруге. Давай, торопись, а то представление начнется, и ты опоздаешь.

Как только Валентина исчезла за занавесями, оркестр заиграл увертюру к «Лебединому озеру» Чайковского. Шура скрестила руки на коленях и полностью забылась, подчиняясь волшебству музыки. Медленно поднялся занавес, и сцена предстала во всем великолепии. На фоне декораций замка шло празднование дня рождения принца Зигфрида, и юный принц радостно приветствовал своих друзей. Па-де-труа, исполненное кордебалетом и двумя балеринами, было так же прекрасно, как декорации. Постепенно Шура совершенно забылась, летая на крыльях Одетты, королевы лебедей, представляя себя на месте Одиллии, ощущая неразделенную любовь и проживая ее. Она не могла сдержать слез. Она была рада, что осталась одна в этой ложе, где можно наслаждаться любовью, разделенной с персонажами на сцене. Она была так увлечена Одеттой-Одиллией и принцем Зигфридом, что не заметила, как кто-то вошел в ложу, раздвинув бархатные занавеси, и сел на кресло позади нее. Но вот ее взяли за руку. Шуре показалось, что история на сцене и ее фантазии смешались во сне. Она не знала, что делать. Ей казалось, что все смотрят на нее. На ее коленях ее правая рука покоилась в теплой мужской ладони. Тепло растекалось по всему телу и пьянило, как прошлой ночью.

На сцене был рассвет. Одетта должна была расстаться с любимым принцем. Часы счастья заканчивались.

– Не плачь больше, занавес скоро опустится.

Когда первый акт балета кончился, Шура повернулась к нему, продолжая аплодировать. Ее глаза были влажными, на губах играла улыбка. Голос Сеита тонул в аплодисментах.

Как только опустили занавес, появилась Валентина со своей подругой, за ними следовал Петр Боринский. В пятнадцатиминутном антракте подали французское шампанское. Сеит передал Шуре бокал. Она не пугалась смотреть прямо ему в глаза. Наоборот, чувствовала, что хочет видеть его глаза постоянно. Они оба были гостями в Москве. Ей предстояло вскоре вернуться домой, а ему следовало присоединиться к своей части. Внезапно одна мысль поразила ее, словно молния. Чем бы все ни кончилось, она была готова к приключению с ним. Эта мысль напугала ее.

Оставшуюся часть представления ложа была полна. Валентина, Петр и Андрей Боринские заняли свои места. Похоже, возможности побыть вдвоем в тот вечер больше не представлялось.

После балета грандиозный вход в Большой театр заполнился разнаряженной толпой. Сливки высшего общества Москвы неторопливо спускались по мраморной лестнице под величественным портиком, поддерживаемым восемью огромными колоннами, а изящные конные экипажи подъезжали, чтобы забрать их. Почти два десятка экипажей направилось в сторону особняка Андрея Боринского, перевозя гостей, а вместе с ними и полный состав труппы Императорского Большого театра. Шура и Валентина ехали в сопровождении Сеита и Петра. Их четверка села в один экипаж. Хотя Петр сел вслед за ее сестрой, Шура заметила, что его внимание было обращено на нее. Ей не нравился этот молодой человек. Многим девушкам он бы показался привлекательным, но его хитрые глаза, его маленький курносый нос, слишком смазливое для мужчины лицо не внушали доверия. Она не знала причины, но само его присутствие было ей неприятно. Во время поездки Валентина и Петр вели непринужденный разговор, в то время как другая пара смотрела друг на друга с обожанием. Шуре больше не было стыдно, и ей не казалось, что она поступает дурно. Когда они приехали к Боринским, то увидели, что первые гости уже угощаются вином в музыкальной комнате. Огромный стол в обеденном зале был уставлен едой. Вечер продолжался. Вскоре музыка и смех заполнили дом, а вино лилось рекой. В центре внимания, как обычно, были солистки Большого. Молодые и старые господа открыто ухаживали за балеринами, которыми так восхищались во время представления. Шура с трепетом наблюдала, как женщины принимали делаемые им авансы. Внезапно она заметила в этой толпе

Сеита. Ее сердце оборвалось. Она тут же решила, что нет смысла оставаться здесь, что лучше тихо ретироваться в свою комнату. Не успев привести в действие свое намерение, она увидела, что Сеит идет к ней в компании одного господина и балерины. Было очевидно, что они знакомы. Шура остановилась и ждала их. Она почувствовала облегчение, когда их представили.

– Дорогая Татьяна, я рад познакомиться тебя с этой прекрасной юной особой, Александрой Юлиановной Верженской.

Затем, повернувшись к Шуру, он представил других:

– Одна из ведущих балерин Большого театра Татьяна Чупилкина и мой дорогой друг поручик Джелиль Камиллов.

Пока их знакомили, Шура быстро оценила новую знакомую. Татьяна, похоже, была заметно старше ее. Ее движения были грациозными, словно она еще была на сцене. У нее были большие черные глаза. Ее кожа была белой и чистой, как фарфор. Шура подумала, что для партии лебедя не найти шеи лучше и длиннее. Грудь балерины была почти плоской, как у юных девочек. Под сенью длинных ресниц ее глаза сияли так сильно, что могли покорить любого мужчину, осмелившегося взглянуть на нее. На губах играла приветливая улыбка. Несмотря на артистическую природу, движения Татьяны были искренними и непритворными. Ей явно нравился не Сеит, а другой молодой человек. После этого открытия Шура почувствовала себя лучше и ощутила симпатию к ней. Джелиль, с его улыбчивым лицом и восточными глазами, был явно влюблен в балерину. Он был довольно красив, хотя и по-другому, нежели Сеит.

Вскоре все они подружились. Когда молодые люди отошли за новыми напитками, Татьяна взяла Шуру за руку и сказала:

– Дорогая Александра Юлиановна, я хотела бы, чтобы вы задержались в Москве дольше, мы могли бы прекрасно проводить время.

Шура ответила с такой же сердечностью:

– Спасибо большое, дорогая Татьяна...

- Мои близкие друзья называют меня Татя.

- Хорошо, Татя.

- Джелиль и Курт Сеит также вскоре покинут Москву.

- Они часто приезжают сюда?

- На самом деле нет. Их планы подчинены царским приказам. Куда царь направит свои войска, туда они вынуждены отправляться. Вряд ли можно назвать их жизнь скучной, - Татьяна жизнерадостно засмеялась. - Знаете, дорогая Александра...

- Мои близкие называют меня Шура.

Татьяна снова засмеялась:

- Да, дорогая Шура, знаете, если бы я не была балериной, я бы хотела быть мужчиной.

Шура не могла понять, почему знаменитая и красивая женщина хочет быть мужчиной. В ее глазах был вопрос. Веселый смех Татьяны прозвенел снова.

- Если бы знали, какую насыщенную жизнь они ведут. Я уверена, вы хотели бы оказаться на их месте.

Покачав головой, Шура улыбнулась и сказала:

- Не думаю, что я вообще хотела бы быть мужчиной.

Татьяна показала на Сеита и Джелиля, пытавшихся протиснуться к ним с напитками в руках:

- Посмотри на них, дорогая Шура, они красивы, они богаты, они служат в гвардии самого царя, и их окружают самые красивые и аристократичные женщины. Романов у каждого хватит на хорошую книгу, поверь мне.

Она говорила легкомысленно и не стесняясь. Слушая ее, Шура все больше изумлялась.

- Вы знаете о романах Джелиля, Татьяна?

- Конечно. Не удивляйтесь этому, Шура. Наивно думать, что красивый офицер, переезжающий между Санкт-Петербургом, Москвой и Ливадией, может быть без женщин. Я придаю значение только тому времени, когда он со мной. Несмотря на его измены, я верю, что он любит меня, и этого для меня достаточно.

Внезапно она остановилась и посмотрела на Шуру, изумленно слушавшую ее:

- Боже мой! Что я говорю? Я расстроила вас, дорогая Шура? На мгновение я забыла, что разговариваю с юной девушкой. Скажите мне, сколько вам лет?

- Шестнадцать.

- Мой бог, всего шестнадцать? Вы выглядите старше. Вы не будете на меня сердиться, если я не скажу, сколько мне лет? Поверьте, я намного старше. Простите, если я удивила вас, но я не хочу, чтобы вы меня неправильно поняли. Если бы я знала, что вам всего шестнадцать...

Шура понимала, что ее собеседница говорит искренне. Ей понравилось, что она показалась кому-то старше, чем она есть на самом деле, и понравилось, что ей доверяют. Она подумала, что, несмотря на разницу в возрасте и круге общения, она встретила настоящую подругу. Она улыбнулась:

- Татьяна, разговор с вами для меня огромное удовольствие, и я совершенно не удивлена.

Мужчины присоединились к ним с бокалами в руках. Татьяна шепнула Сеиту на ухо, принимая от него бокал:

- Сеит Эминов, я никогда не видела, чтобы ты посвящал столько времени одной женщине. Должно быть, в этой девушке что-то особенное. Однако позволь мне предупредить тебя, что она слишком молода, по сути, еще ребенок. Она не похожа ни на кого из тех, с кем ты был раньше, так что, пожалуйста, не делай

ей больно.

Краем глаза Сеит смотрел на Шуру, которая спокойно разговаривала с Джелилем.

- Похоже, она тебе понравилась, Татя.

- Да, очень.

Сеит улыбнулся и подмигнул:

- Кто знает, может быть, мне тоже понравится.

Затем он подошел к Шуре и мягко тронул ее локоть:

- Если вам не холодно, могли бы мы прогуляться в сад, Александра Юлиановна?

Несмотря на внешнюю формальность, Шура почувствовала, что ждет, когда они окажутся вместе в саду, и задрожала от волнения. Она была смущена, но, чтобы разрядить ситуацию, спросила Татьяну:

- Хотите ли вы присоединиться к нам, Татя?

Татьяна подарила ей теплую улыбку, держась за руку Джелиля, и сказала:

- Вы идите, нам надо кое-что обсудить. Если станете искать нас, мы будем где-нибудь здесь.

Когда они дошли до сада, Шура неожиданно поняла, что не может проронить ни слова, как и прежде. Как только она оказывалась вместе с этим человеком, она чувствовала себя растерянной. Они остановились.

- Вы уверены, что вам не холодно?

Шура отрицательно мотнула головой. Она не мерзла, но по непонятной причине ее трясло. Сеит подошел и мягко взял ее руку:

- Не говорите мне, что вам не холодно. Посмотрите, вы вся дрожите.

- Мне не холодно, поверьте мне.

Сеит вел ее по лестнице в сад.

- Некоторые дрожат, когда им одиноко. Я хорошо знаю это ощущение.

Внезапно Шура почувствовала себя намного лучше. Интерес и непонятное сострадание к мужчине побороли робость. Она тихо спросила:

- Ваш дом далеко?

Сеит ответил с улыбкой:

- Мой дом? Мои дома? Да, они все очень далеко.

Они остановились на вымощенном краю пруда, посреди которого красовался роскошный фонтан, поддерживаемый двумя купидонами, и некоторое время слушали журчание воды. Оно приятно смешивалось со звуками музыки, доносившимися из дома.

- Здесь так красиво.

- Вы такая красивая.

Молодой человек поднес ее руку к своим губам и поцеловал в ладонь. Жар его губ опьянил ее. Она не знала, что делать. Затаив дыхание и закрыв глаза, она оказалась в его руках. Сеит боялся испугать ее. Он положил руки на ее тонкую талию и притянул к себе. Сердце Шуры стучало. Она положила голову на его грудь. С чувством, которое было ей незнакомо, которое ей даже не снилось, без какого-либо предупреждения она крепко обняла человека, которого любила. Она все еще не знала его, но это был человек, с которым ей хотелось быть вместе всю жизнь.

Внезапно они заметили, что с неба на них неторопливо падают снежинки.

– Может быть, вы хотите вернуться в дом? – осведомился Сеит.

То, как она посмотрела на него, ясно давало понять, что ей не хочется менять положение. Даже в вечерних сумерках она видела блеск его глаз. Сеит понял, что он больше не может держать себя в руках. Взяв ее голову, он поцеловал ее в лоб долгим нежным поцелуем.

Когда она смотрела на него, она думала, что этот молодой человек – единственный мужчина, которого она хотела бы видеть в своей жизни. Как долго продлится их связь? Одна или две встречи в лучшем случае? Затем каждый пойдет своей дорогой. Ее волнение превратилось в печаль. Нет, она не хотела терять его. Сеит теперь целовал ее щеки и шею.

Шура больше не могла сопротивляться и обвила руками его шею. Чистая, целомудренная любовь девушки, которую она дарила без оглядки, вызвала у повидавшего и жизнь, и женщин Сеита чувство, которого он ранее не испытывал. Он хотел взять эту маленькую девочку, которая обвивала руками его шею в совершенном забытьи, на край света и уединиться с ней навечно. Как долго продлится это волнение? Насколько истинной является их страсть? Они бросились в начало, не зная конца. Уткнувшись лицом в ее волосы, он произнес:

– Александра!

Голос Шуры был едва различим.

– Да?

Сеит заметил, что говорит совершенно противоположное тому, что намеревался сказать:

– Я хотел бы увидеть тебя снова, хотел бы быть с тобой. Хочешь, я заеду за тобой завтра и мы проведем вместе весь день. Что скажешь?

Не отрываясь от него, она пробормотала:

– Завтра утром мы поедем к папе в госпиталь. Затем... Я не знаю... кто мне разрешит уйти из дома? Я не знаю.

Сеит взял ее щеки и погладил их:

- Ты хочешь быть со мной?

Шура слишком стеснялась ответить вслух. Она утвердительно кивнула, отводя глаза.

- Ты уверена, что хочешь этого? Я хотел бы услышать.

- Да... Да, я хочу этого.

- Тогда предоставь дело мне. Я что-нибудь устрою. Может, я сам отвезу тебя в госпиталь, а затем покатаю по Москве.

- А как же дядя Андрей?

- Андрей Боринский знает меня с детства, не думаю, что он не позволит нам отправиться на прогулку.

Как долго они пробыли в саду? Шура не могла понять, но ей казалось, что они вместе годы. Все шло, все развивалось быстро, словно по мановению волшебной палочки феи, которая перенесла ее в волшебное королевство, а теперь вернула на землю. Чуть дальше, за лестницей и дверью, в доме, их ждала реальность. Некоторое время они гуляли по саду под руку. Повернувшись к фонтану, Сеит показал на статуи купидонов и сказал:

- Ты знаешь, я хотел бы быть как они, застыть, обнимая и целуя тебя. Тогда мы могли бы вечно обнимать и целовать друг друга.

Шура чувствовала тепло в его словах и тепло его руки, но она была взволнована, ей было стыдно и неловко. Она сказала:

- Тогда ты замерзнешь навечно под снегом.

Когда они вошли в дом, Шура поняла, что давно замерзла, но ей было все равно. Она была счастлива, взволнована и влюблена. Она сняла пальто, отряхнула снег

с юбки, затем вернулась к гостям.

После того как они присоединились к Татьяне и Джелилю, Сеит ненадолго оставил их. Шура проследила за ним глазами, затем отвела их, опасаясь быть застигнутой посторонним взглядом. Он вернулся всего через несколько минут. Молодой человек был в приподнятом настроении.

– На завтра у нас отличный план.

Они вопросительно посмотрели на него.

– Моя дорогая Александра Юлиановна, я поговорил с Андреем Боринским и получил разрешение покатать вас завтра по Москве с Татей и Джелилем. Я заберу вас завтра, после того как вы вернетесь из госпиталя.

Она не верила своим ушам, как ловко все складывалось.

– А как же моя сестра Валентина? Я не могу бросить ее одну.

– Я думаю, она пойдет к друзьям с Боринским.

Татьяна рассмеялась:

– Отлично! Я уверена, мы завтра прекрасно проведем день. С этого момента Шура жила только мыслью о следующем дне и старательно веселилась на приеме, который закончился под утро. Сеит рано ушел. Уходя, он бросил на нее долгий взгляд, и она ответила взаимностью.

Целуя сестру и желая ей доброй ночи, она собиралась рассказать ей о вечернем приключении, но, не будучи уверена в том, что сестра одобрит такое легкомыслие, передумала. К тому же не хотелось подвергать опасности планы на следующий день. Она отправилась в постель, улеглась поудобнее, погасила лампу и начала мысленно вновь переживать моменты, когда она была с Сеитом, живо вспоминая каждый миг общения, каждый поцелуй, каждое прикосновение. Когда она засыпала, Сеит целовал ее в губы и обнимал ее тело так же крепко, как обнимали ее мечты.

На следующий день все домашние поднялись за полдень. После сытного завтрака Андрей Боринский повез девушек в госпиталь. Юлиан Верженский выглядел лучше, чем сразу после операции. Ему разрешили покинуть госпиталь через несколько дней. Он с большим удовлетворением смотрел на сиявших красотой и молодостью дочерей, сидевших по обеим сторонам кровати, пока они живо рассказывали ему о своей жизни в доме Боринских. Он не мог говорить, но мог подавать знаки глазами, показывая, что все понимает. После примерно получаса общения доктор объявил, что пациенту нужен отдых, и выпроводил их из комнаты.

Как Сеит и говорил накануне, Валентина собралась нанести визит дальним родственникам в компании дяди Андрея и Петра Боринских. Шура предложила сестре присоединиться к прогулке. Но Валентина решила, что будет приятнее сходить в гости в теплый дом, чем гулять на холоде.

Когда они начали собираться, Шура снова почувствовала, что ей от волнения светло живот. Закружилась голова, так же как накануне. На ней было светло-синее платье, украшенное лентами кремового цвета. Она уложила волосы в шиньон, стянув их такой же лентой. Горничная постучала в дверь, когда она была уже готова:

– Александра Юлиановна, прибыл поручик Эминов...

Шура даже не дослушала остальное. Она выбежала из комнаты, схватив пальто, муфту и маленькую бархатную сумочку. Она зашла в комнату Валентины, быстро поцеловала сестру и почти скатилась по ступенькам. На середине лестницы она увидела Сеита, ожидавшего ее в вестибюле, и приостановилась. Полагается быть спокойной и собранной, подумала она. С ее губ не сходила улыбка. Молодой человек вежливо поцеловал ей руку. Затем, помогая надеть пальто, шепнул ей на ухо:

– Ты такая красивая.

Татьяна и Джелиль уже сидели в экипаже. Они весело приветствовали Шуру. Заняв место рядом с Сеитом, она подумала, что наступает день, который будет лучшим в ее жизни.

С раннего утра шел густой снег. Экипаж проезжал по улицам, на которых выстроились шикарные магазины. Проезжая по Красной площади, Шура вновь восхитилась площадью, покрытой снегом, ярко раскрашенными куполами соборов, часовой башней. Сеит рассказывал:

– Это Успенский собор. Он использовался для коронации царей, был разрушен в 1472-м и перестроен архитектором из Болоньи между 1475 и 1479 годами. Здание византийское по архитектуре, но его купола выполнены в индийском стиле. А сейчас вы видите храм Благовещения с девятью куполами. Он был построен в 1489 году архитектором из Пскова. Лучшие фрески Андрея Рублева находятся здесь. В Архангельском соборе хранятся останки наших царей от Ивана Калиты до Ивана V, включая Бориса Годунова.

Шура забавлялась, слушая пояснения, которые Сеит давал с точностью учителя истории. Некоторых названий она никогда не слышала.

– Это Спасские ворота, один из трех входов в Кремль, ведущих на площадь, которая посередине. Пространство за площадью было одним из первых жилых кварталов в городе. Знаете ли вы, что значит Китай-город?

Они отрицательно покачали головой.

– Это означает крепость. Место, где жили торговцы на севере Москвы-реки, называется Белый город. А Земляной город – на юг от реки. Первый российский университет был построен в Москве в 1755 году...

Они вновь были на Моховой. На мгновение Шуре показалось, что поездка закончена. Ей стало грустно. Внезапно возница повернул на юг через Москву-реку. В этом районе среди больших садов располагались красивые дома. Легкий снег собирался превратиться в метель. Разговор шел легко. Когда они остановились, Татьяна взяла Шуру за руку и сказала:

– Вот, здесь мой дом. Пойдемте, мы приехали как раз вовремя, чтобы посидеть у камина.

Дом Татьяны был небольшим, но очень хорошо и дорого обставленным. Каждая комната привлекала внимание элементами, напоминавшими о балете, которому посвятила свою жизнь Татьяна.

Они выпили вина перед пылающим очагом, затем перешли к обеденному столу, накрытому в той же комнате. Шура больше не стеснялась, она уже привыкла к этим людям. Во время ужина они ближе узнали друг друга. Шура рассказала им о Кисловодске, о своей семье и жизни там. Она чувствовала себя спокойнее, когда рассказывала о себе. Вино лилось рекой. Она не могла соревноваться с другими, но от двух бокалов, которые она выпила, у нее сильно шумело в голове. Дом ее семьи в Кисловодске, ее мать, братья, сестры, отец в госпитале и даже Валентина казались чем-то далеким.

После ужина все перешли в музыкальную комнату. По обеим сторонам камина напротив друг друга стояли два высоких дивана, покрытые темно-красным бархатом. На столике красного дерева посередине комнаты стоял серебряный самовар. Запах свежесваренного чая заполнил комнату. Татьяна наполнила фарфоровые чашки, села за пианино и начала играть «Половецкие пляски» из «Князя Игоря». Жестокий бой между татарским ханом Кончаком и князем Игорем, песчаные бури Азии и северных степей, восточная чувственность красавиц, пытавшихся соблазнить Игоря, варварская ярость конного боя заполнили комнату. Когда Татьяна закончила играть, все захолопало. Шура была восхищена. Джелиль улыбался:

– Вы знаете, что Татя играет так же хорошо, как танцует?

Они сердечно рассмеялись. Теперь Татьяна играла «Чепчик», веселую народную песню, Сеит и Джелиль подпевали. Ритм песни соответствовал веселому характеру исполнительницы. Тишина установилась в комнате, когда Татьяна заиграла четвертую и последнюю часть «Лебединого озера» Чайковского. Сильные чувства, которые вызывала музыка, слышанная в Большом прошлым вечером, вновь подчинили Шуру своей власти. Она тихо прошла за пианино и остановилась перед стеклянной дверью, выходившей в сад. Высокие деревья, как колонны, казалось, упирались в темные облака. В это время уже было очень темно, а метель лишала возможности разглядеть хоть что-то за деревьями. Кованая ограда сада, большие мраморные цветочные горшки, маленький пруд за стеклом были покрыты снегом. Шура задрожала и обхватила себя руками – так повлияли на нее музыка и вид снаружи. Она обернулась, когда почувствовала прикосновение руки Сеита к своему плечу. Тепло его поцелуя в лоб придало ей уверенности. Она положила голову ему на грудь. Она испытывала те же ощущения, что и при их первой встрече. Судорога внутри, ускоренное сердцебиение, невыразимый восторг – все те же симптомы, предчувствие, что вскоре случится что-то важное и изменит ее жизнь.

Она не заметила, как Татьяна и Джелиль тихо вышли из комнаты. Они с Куртом Сеитом стояли перед окном обнявшись и смотрели, как снег быстро засыпает сад, и каждый из них гадал, каким будет следующее движение другого.

Шура боялась шевельнуться или проронить хоть слово, которое могло бы быть ошибочно воспринято как приглашение. Так что она замерла в его руках.

Сеит думал, как красива, как целомудренна и как неопытна эта девушка. Он тоже застыл, опасаясь испугать ее, опасаясь быть отвергнутым. Некоторое время они наслаждались теплом друг друга в неразделимом объятии, никто из них не шевелился.

У него никогда не было такой безмятежной связи до того, и он не мог поверить, что способен на нее. Что он рассчитывает получить, если соблазнит эту маленькую девочку? С другой стороны, он чувствовал удовлетворение и возбуждение одновременно, когда они были вместе. Это сочетание было новым для него. Внезапно он захотел обнять ее крепче, покрыть ее лицо и волосы поцелуями. А она знала, что больше не может сопротивляться страсти, которую видела в его глазах, и покорно закрыла глаза, приглашая Сеита прижаться к ее слегка приоткрытым губам. Вкус ее спелых ненакрашенных губ, жаждавших поцелуя, но слишком боявшихся, чтобы ответить, усилил его желание. Его руки, которые до сих пор держали ее ласково, сейчас начали блуждать по ее платью, открывая изящные и тайные изгибы ее стройного тела. Он поднял ее на своих сильных руках, а она повисла в его объятиях, обвив руками шею и положив голову ему на плечо, боясь даже глядеть вверх. Обнимаясь, они подошли к дивану.

Крепко обнимая мужчину, Шура давала ему понять, что не против его яростных поцелуев и ласк. Жаркое дыхание его пылающих губ обжигало ее шею, язык, ласкавший мочки ушей, пьянил не хуже выдержанного вина, которое она только что пила.

У нее мелькнула мысль, что одним движением она может остановить его и спасти себя от его сладкой власти, но ей не хотелось, чтобы он останавливался. Ей не хотелось потерять этого незнакомца, который дарил ей такие неопишуемые ощущения. Ей хотелось узнать его лучше, чтобы попробовать всю любовь, которую он может подарить ей. Огонь, пылавший в очаге, только добавлял жара их телам. На минуту она открыла глаза, чтобы взглянуть на него,

узнать его намерения, понять, каким будет его следующее движение, чтобы вновь увидеть, как он смотрит на нее. На лице молодого человека плясали отсветы пламени. И Шура увидела, как он смотрит на нее. Она почувствовала стыд и отвернулась. Сеит приподнялся на локте:

– Моя Шура! Моя дорогая Шура, посмотри на меня! Я хочу, чтобы ты смотрела на меня, не прячь от меня своих глаз.

В ответ на его страстные и мягкие мольбы Шура сделала то, о чем он просил. Нежность усилила румянец на ее щеках, а искры желаний, которые она видела в его глазах, зажгли огонь в ней. Сеит не давал ей отвернуться. Очень медленно она протянула руку к его голове и запустила пальцы в его каштановые волосы. Этот мягкий жест доставил обоим невыразимое удовольствие. Она прикоснулась к его лицу, ее робкие пальцы гуляли по его лбу, затем по его высоким скулам. Указательный палец задержался на ямочке на его подбородке, затем обошел его лицо, пытаясь запомнить его очертания. Впервые, в двадцать четыре года, Сеит испытывал новые, незнакомые до сих пор ощущения. Он открыл для себя удовольствие теплой тихой любви. Эта девочка, на восемь лет моложе его, до сего дня не знала любви. Она была целомудренна. Она ласкала его невинными, чистыми и полными любви движениями. Он понял, что это тепло заполняло ту леденящую пустоту, от которой он дрожал внутри. Эта девочка была непохожа на других женщин, которых он знал.

Сеит ужаснулся, осознав, что то, что началось как просто ухаживание, переходило к физической составляющей намного скорее, чем он предполагал. Он отпустил ее и отстранился. Шура вопросительно смотрела на него. Он принялся нежно гладить ее лицо и перебирать ее косы. Затем заговорил. Как он ни пытался, его голос не мог скрыть безграничного желания.

– Шура, дорогая... Ты очень дорога мне... Больше, чем кто-либо... Но я должен быть честным, я не могу дать тебе никаких обещаний...

Впервые она посмотрела в его глаза с такой легкостью, как если бы он был в ее жизни многие годы. У нее больше не было никаких сомнений, она не боялась его. Наоборот, за фасадом бонвивана, очень уверенного в себе человека, чей вид напоминал о страстных приключениях, она видела грусть и одиночество взрослого ребенка. Ей так хотелось приласкать его, утешить. Она была уверена, что может это сделать, даже если для этого нужно отдаться ему.

Разве она никогда не выйдет замуж? Разве когда-нибудь не придется это пройти? Почему же тогда она не может пройти это с человеком, которого она на самом деле любит? Сеит, верила она, был предназначен ей, и она хотела сделать его счастливым до конца, пока судьба не разлучит их. Затем, когда она останется одна, она сама разберется с тем, что этот человек дал ей или забрал у нее, и устроит соответственно свою жизнь. Она чувствовала приступ фатализма, который давал ей уверенность следовать решению.

В ответ на его слова она обвила его шею руками, закрыла глаза и притянула его к себе. Это был намного более ясный ответ, чем длинные цветистые слова, и Сеит оценил его. Он встал и протянул ей руку. Хорошо понимая значение и последствия этого жеста, она подчинилась и вложила в его руку свою. Это было началом связи без пути назад. Она встала с дивана. Не хотелось говорить и разрушать волшебство момента. Она следовала за ним рука об руку. Кроме потрескивания огня и шуршания ее юбки, в комнате было абсолютно тихо. Она подумала, где могут быть Татьяна и Джелиль. Слуг, которые прислуживали за ужином и зажгли свечи, не было видно. Ее мысли оборвались, когда Сеит поднял ее на руки и понес наверх. Она чувствовала себя невестой, закрыла глаза, наслаждаясь всем происходящим, как в приятном сне, в котором день повторяется снова и снова. Она почувствовала, как ее осторожно положили на мягкую кровать. Хотя она поняла, что с этой кровати она встанет другой, у нее не было желания уйти или убежать. Наоборот, она хотела испытать близость и разделить ее с любимым мужчиной. Несмотря на ее скромность, внутренний голос толкал ее на это приключение, а тело соглашалось. Она слышала, как закрылась дверь. Не вставая, она смотрела на смесь белых и серых красок за окном, на то, как снежинки бились в стекло и собирались на подоконнике, слушала, как ветки елей, дрожащие от ветра, иногда скрежетали о стекло. Справа от кровати, слева от двери, была изразцовая печь. Она поняла, что огонь горел уже некоторое время, потому что поленья обуглились и превратились в светящиеся уголья.

Шура следила за тем, как Сеит встал на колени перед печкой, чтобы раздуть огонь. Он взял одно из поленьев с мраморного пьедестала и положил его на медленно тлеющие угли, затем добавил еловых шишек. Шишки зарделись и окружили пламенем большое сухое полено. Затем он встал и медленно пошел к кровати, пытаясь сдержать свою страсть, зная, что все это оттянет то, что должно было произойти, всего на несколько минут. Он сел на край кровати и взял ее руки в свои. Стараясь не касаться ее тела, он выгнулся, чтобы дотянуться до ее губ. Он был осторожен, чтобы она не испугалась и не убежала, передумав. С огромным терпением он поцеловал сначала ее щеки, затем шею и

ждал сигнала, показывающего ее желание заняться любовью. Медленно их тела сблизились. Даже теперь Сеит хотел подготовить ее медленно. Он смотрел ей в глаза, когда начал расстегивать ее платье. Ее глаза сияли, сияли застенчивостью, но были полны желания. Когда он снял с нее платье, она вспомнила, что никто, кроме ее матери, сестры и няни, не видел ее в белье, и инстинктивно прикрылась руками. Сеит заметил это и сел на пол рядом с кроватью. Он взял ее руку, закрывавшую грудь, в свою и сказал:

– Я не хочу, чтобы ты делала что-то, о чем потом пожалеешь. Ты не должна никогда ругать себя или меня за это.

Он продолжал:

– Я очень хочу тебя, но это не значит, что я в малейшей степени принуждаю тебя. Ты очень дорога мне, моя маленькая Шура, понимаешь? Ты так отличаешься от других. Даже если я никогда больше не увижу тебя, в моих глазах, в моей памяти ты навсегда останешься как самая милая и самая красивая девушка, которую я когда-либо знал.

Упоминание о разлуке вновь напомнило Шуре о ненадежности ее положения. Сегодня вполне могла быть их последняя встреча, и она не хотела потерять его любовь. Она подставила ему губы. Сеит притянул ее к себе и положил на ковер, затем начал нежно целовать и ласкать ее, пока одно за другим ее одеяния не исчезли. Они оба чувствовали, что это объятие продлится очень долго. Он вынул заколки из ее прически, чтобы освободить ее густые светлые длинные волосы. Теперь оба были полностью обнажены. Языки пламени играли светом на ее изысканном теле, делая его где-то бронзовым, где-то белым, а где-то темным.

– Боже мой! Как ты красива.

Она дрожала. Он стянул одеяло с кровати и укрыл ее.

Дрожь усиливалась по мере того, как желание росло. Шура летела, парила над реальностью, достигала небес. Медленно, осторожно она начала ласкать его. Она отзывалась на его призыв.

Хотя они были незнакомы до недавнего времени, теперь казалось, что они всегда принадлежали друг другу. Они обхватили друг друга так, словно

собирались не выпускать никогда. Ее длинные светлые волосы разметались по ковру. Отблески пламени танцевали на их сплетенных телах. Сеит покрывал поцелуями ее длинные волосы, ее бедра, ее грудь, ее белые плечи и смаковал свежесть и чистоту каждой части ее тела. Шура знала, что она больше не ребенок. Лежа в руках любимого человека, она жаждала его, ее тело и душа жаждали его. Они оба переживали и чувствовали лучшее в своей жизни. Они занимались любовью со страстью и тягой давно не видевшихся любовников. Шура знала, что сердцем ее жизни отныне будет этот мужчина. Сеит знал, что он нашел недостающую половинку своего тела и души. Продолжая обнимать ее, он прошептал:

– Я не хочу уходить от тебя никогда.

Отдыхая в истоме перед очагом, продолжая обниматься, они оба знали, что это, к сожалению, невозможно.

– Я хотел бы забрать тебя в Петроград, – он знал, что это не решение, и добавил: – Конечно, это не решит ничего.

Первой мыслью Шуры было, что он уже женат. Она ждала именно этих слов, но он произнес:

– Мне скоро нужно отбыть на Австрийский фронт. На кого я тебя оставлю в Петрограде?

– Когда ты уезжаешь?

Шура говорила впервые за долгое время. Она почти забыла, как звучит ее голос.

– Я не знаю, но, полагаю, скоро.

– Когда ты вернешься?

Сеит выдавил улыбку:

– Этого я не могу знать.

Шуре хотелось заплакать. Разлука и так тяжела, но война была страшнее.

- Теперь ты понимаешь, почему я ничего не могу обещать тебе, любовь моя?

Шура не хотела, чтобы он видел слезы в ее глазах. Но эмоций и так было слишком много. Больше вынести она не могла. Обняв его, она уткнулась головой в его руки и дала волю слезам. Молодой человек поднял ее голову, развел ее влажные волосы, взял в руки ее покрытое слезами лицо.

Он был потрясен:

- Боже! Как я могу оставить тебя?

Обнимаясь, они оба снова почувствовали сильнейшее желание. У Шуры вдруг возникло предчувствие, что ее жизнь будет полна горя. Это было такое сильное чувство, что девушка лишь тихо плакала, пока они вновь занимались любовью.

* * *

После той встречи в доме у Татьяны влюбленные вынуждены были расстаться. Сеит и Джелиль уехали, чтобы присоединиться к своей части в Петрограде. Спустя неделю Шура вернулась в Кисловодск с сестрой и отцом.

Семья Шуры состояла из отца, матери и шестерых детей. Ее мать, Екатерина Николаевна, похоронила своего первого мужа Дмитрия, от которого у нее было три мальчика, Владимир, Николай и Пантелеймон, и дочь, Антонина, коротко Нина. Затем она вышла за Верженского, от которого у нее родились Валентина и Александра. Они были счастливым семейством. Единственное, что их беспокоило, это болезнь отца и то, что все три сына воевали.

Юлиан Верженский полностью так и не выздоровел. Правда, все считали, что ему очень повезло, так как после операции стремительное развитие болезни остановилось.

После возвращения из Москвы Шура изменилась. Любовное приключение, совершившееся с Сеитом, захватило ее тело и душу. Теперь она почти все время витала в облаках.

С того момента, как они расстались, она очень тосковала по нему. Хотя они обменялись адресами и обещали писать друг другу, зная о потрясениях, которые переживала Россия, Шура не была уверена, что сможет занять много места в его жизни и сердце. Расстояние, разделявшее их, было велико, а боевые действия сложны. Семейство с огромным трудом получало новости от Владимира, Николая и Пантелеймона.

Все время думая о Сеите, Шура пыталась наладить свою обычную жизнь в Кисловодске, посещая гимназию и проводя остальное время с семьей. После ужина она закрывалась в своей комнате. Это были самые любимые ее часы, потому что они были полны наслаждением ее тайных мечтаний, ее фантазий о Сеите. Она постоянно писала ему письма. Вначале они были довольно невинными, всего с несколькими робкими словами любви. Со временем она стала более уверенной и начала использовать гораздо более сочные выражения для описания своей страсти и тяги к нему.

Долгое время ответов не было, но потом она получила письмо от Татьяны. Письмо от подруги из Москвы не вызвало никаких подозрений у ее родных. Но Шурино сердце тяжело забилося. Она схватила письмо и убежала к себе в комнату. Проверив печать, она вскрыла конверт. Письмо было от Татьяны, но внутри было и другое письмо. Когда она увидела подпись, то так разволновалась, что закричала от счастья и прижала письмо к груди. Выходит, он переслал свой ответ через дорогую Татю. Она уселась на кровать и начала читать. Она чувствовала, как ее тело плавится, как будто Сеит сидит рядом с ней и держит ее за руку. Это письмо, которое молодой человек доверил Татьяне, перед тем как отправиться на Карпатский фронт, было полно слов любви и тоски. Затем она долго смотрела на подпись в конце письма: «Сеит». Она чувствовала, что, может быть, больше никогда не увидит его. Посмотрев на штамп на конверте, она решила, что ее письма могли еще не дойти до него. Ей было жаль, что он уехал на войну, не прочитав ее писем. Как же узнать, где он? Раскаивалась ли она в том, что как в омут с головой бросилась в любовь, что пожертвовала своей честью? Ответом было уверенное «Нет!». Она не раскаивалась ни в чем, что испытала с ним. Если бы перед ней вновь встал выбор, она бы приняла то же решение не раздумывая. Она читала и перечитывала его письмо несколько раз, пока не запомнила каждую фразу, каждое слово. Оно было в ее руках, когда она ложилась спать. Ее сердце ныло, и она ничего не могла с этим поделать. Читая милые слова, она не могла сдержать слез. Она закрыла глаза, все еще прижимая письмо к груди, и прошептала:

– Я тоже люблю тебя, Сеит Эминов. Я очень люблю тебя.

Глава 3

Крымские Эминовы

Алушта, 1892

Мирза Мехмет Эминов гордился своей землей. Его фермы приносили лучшее в Крыму зерно. Лучшие вина в Санкт-Петербурге и Москве были сделаны из винограда «изабелла» и «мускат», росшего в его виноградниках.

Виноделы ожидали, что 1892 год будет хороший, урожай почти поспел. Эминов гулял среди лоз, проверяя гроздья и вознося молитвы величию Всемогущего Аллаха. Как хороша и изобильна эта земля. Конечно, он много работал. Он слышал от отца и деда, что семья поселилась в Крыму очень давно. Как давно, никто точно не знал. Истории, которые он слышал от своих стариков, восходили к временам, когда Боз-Курт, Серый Волк, вел кочевые тюркские племена с предгорий Памира, начиная завоевание Азии, и заставил Китай построить Великую стену для защиты. После набегов тюрок на Европу некоторые тюркские племена осели в Крыму, соседствуя с Византией на юге, и во времена величия византийских императоров наслаждались почти тысячелетием мира. В это время азиатские тюрки молились языческим богам, а хазары избрали иудаизм своей верой. С появлением религии Мухаммеда тюрки этого края приняли ислам.

* * *

Крым стал вассалом Османской империи в 1475 году. Татары, которые жили в этом краю, были записаны Крымским ханством, государством в составе Османской империи. Его столицей был Бахчисарай. С тех пор почти четыре века Черное море было турецким озером, сила Османской империи обеспечивала мир и безопасность в Крыму, а Крымское ханство было охранным рубежом от русских. Русские всегда стремились к Черному морю. Вторжение в проливы Босфор и Дарданеллы и в земли османов было наваждением, которое владело воображением русских царей и цариц на протяжении веков. Вступивший на трон

Петр Великий развег это желание. Петр, изучавший искусство мореплавания и навигации в Голландии, заложил сильный флот, создал Священный союз против османов и, захватив крепость Азов, сделал первый шаг к мечте включить в свои владения Черное море. Петр также хотел присоединить Балтийское море и на севере напал на шведов. Вначале он терпел тяжкие поражения. Шведы наступали на русские земли со всех сторон. Затем удача изменила им. Шведский король Карл Великий, прозванный турками Демирбаш, Железноголовый, был ранен и нашел убежище на турецкой земле. Это вызвало в России гнев. В наказание русские вторглись в Крым. В отместку турецкие армии атаковали русских и окружили их у Прута. Победенный Петр I просил о мире, и турецкий великий визирь Балтаджи Мехмед-паша в 1711 году даровал его с условием, что крепость Азов будет возвращена туркам. Война закончилась на Пруте.

Шведы, таким образом, вышли из игры, и король Карл вернулся в свою землю. В память о своем пребывании в Стамбуле он получил в подарок комнату, в которой он жил как гость во дворце Топкапы. Он любил эту комнату и пользовался ей до конца своих дней. Она до сих пор выставлена в Национальном музее Швеции.

Русские использовали эту передышку, чтобы залечить раны, и в 1736 году вновь атаковали Крым. На этот раз они объединились с Австрией, захватили крепость Азов, затем безжалостно разрушили Бахчисарай. Турки ответили всей мощью, одержали победы против Австрии и России, и по договору 1739 года Крым был снова освобожден. Русские отступили. Крым тридцать лет наслаждался мирной жизнью, которая кончилась, когда Крым, Кавказ, Босфор и Балканы возжелала императрица Екатерина II. Опасаясь столкновения с османской Турцией, она атаковала Польшу, где, как она думала, будет легче установить русское господство. Русские столкнулись с яростным сопротивлением поляков. Поляки искали убежища на турецкой земле. У турок не было другого выбора, кроме как объявить войну, но, будучи неподготовленными к этому столкновению, они потеряли Валахию и Молдавию. Войска Екатерины пересекли Дон и вторглись в Крым. Русский флот покинул базу в Балтийском море и, пройдя Гибралтар, достиг эгейского порта Чесма, где полностью сжег османский флот. На сей раз была очередь оттоманов просить о мире, но теперь это было недешево. По Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 года русские освободили все захваченные ими территории, но оставили право держать флот в Черном море и осуществлять религиозное покровительство русскому православному населению Оттоманской империи. Крым становился независимым. Отделенное от турецкой системы правления, независимое Крымское ханство стало легкой добычей русских. С появлением русского военного флота в Черном море случилось неизбежное, и меньше чем за десятилетие, в 1783 году, Крым был приписан

царицей Екатериной к русским землям.

Получив Крым, Екатерина II не успокоилась... Победа подарила ей мечту. Ее мечта заключалась в том, чтобы создать православный мир по обе стороны Черного моря и править в нем вместе со своим внуком Константином, названным в честь Константина, основателя Константинополя. Стремясь произвести впечатление на западных дипломатов, она организовала путешествие в Крым, которое длилось для всех три месяца, а на его подготовку ушло четыре года.

1786 год был ознаменован основанием Григорием Потемкиным, который прошел первую русско-турецкую войну и стал фаворитом императрицы Екатерины, города Екатеринослава, состоявшего из дворца, шелкопрядильной фабрики, домов для рабочих, двух бань. В планах был университет, музыкальная академия, биржа, текстильные фабрики и в завершение – собор, превосходящий римский собор Святого Петра.

14 января 1787 года три тысячи избранных гостей выехали из Санкт-Петербурга на тройках, крытые сани были внутри разукрашены, как дворцовые залы. После четырех месяцев путешествия по России, в мае, царица и придворные погрузились на армаду из восьмидесяти судов на реке Днепре. Они были поражены, увидев по берегам реки вдоль всего пути молодых людей в национальных костюмах, поющих и танцующих; пастухов, играющих на флейтах; казаков и татарских солдат в блестящей форме, выполняющих военные упражнения; английские сады с искусственными водопадами; крестьян, поющих под небесами, расцвеченными фейерверками. В Бахчисарае, где Екатерина взошла на трон татарских ханов, донские казаки и татары показали военные представления, подобных которым вельможи никогда до того не видели. Всю ночь огни искусственного вулкана освещали мавританские сады. Все это представление должно было впечатлить посетителей и подготовить их для восприятия Грандиозной Идеи, великого идеала, с точки зрения Екатерины. Для Днепра она использовала древнегреческое название Борисфен. В порту Херсон, названном по-гречески, гости увидели надпись: «Это путь в Византию». Наконец, битва под Полтавой, где шведский король Карл XII был побежден Петром I, была разыграна в виде театрального представления. Затем гости осмотрели черноморский флот, основанный Потемкиным, в только что устроенном порту Севастополь. Пушки палили в ночи, и матросы, выстроенные на корабельных палубах, пели «Многая лета нашей Императрице Понта Эвксинского».

Все это плохо отражало реальную картину. За четыре года Потемкин построил огромную картонную декорацию для великого представления. Гости оценили путешествие в волшебную страну. Единственными, кто знал правду, были Григорий Александрович Потемкин и крымские татары. Как могли татары приветствовать русскую царицу с радушием после всех своих бед? Одним из присутствовавших инкогнито на этом представлении был Иосиф II Австрийский, который подписал с Екатериной договор против турок, несмотря на то что после закладки Екатеринослава он скептически говорил:

- Екатерина заложила первый камень, но я положу последний!

Крымская деятельность Потемкина, которая должна была порадовать императрицу, превратилась в страсть. В 1784 году была построена морская база в Севастополе, затем в 1794 году другая в Одессе, что взрастило мощь военно-морских сил России на Черном море. Потемкина так впечатлила военная доблесть донских казаков и крымских татар, что он приказал создать для них элитные военные подразделения, подчиненные напрямую царице, для ее личной безопасности.

Крымские татары, которые с незапамятных времен были кошмаром для русских князей, доставили немало неприятностей России. Но теперь население Крыма стало частью великой России и постепенно научилось быть частью русского общества.

Глава 4

Курт Сеит

Алушта, 1892

Эминовы были одной из старейших и самых уважаемых крымских семей. Их владения и дом находились в Алуште. Мехмет Эминов, глава семьи, как и его предки, прошел обучение в юнкерском училище в Санкт-Петербурге, затем служил в кавалерийском полку, элитном подразделении охраны царя, состоявшем по большей части из наследников лучших семейств Крыма, Кавказа

и Азербайджана. В довольно молодом возрасте Эминов был повышен в звании до майора и стал адъютантом царя. Каждый год ему предоставляли длительный отпуск, во время которого он мог уезжать в поместье к семье, чтобы заняться хозяйством: фермами, виноградниками и садами. После каждого отпуска он должен был возвращаться к своим военным обязанностям в столице. Он следовал за царем, куда бы тот ни направлялся. Хотя ему нравилось путешествовать между Санкт-Петербургом и Ливадией, где находилась летняя резиденция царя, он скучал по своей родине в Алуште, по своему дому с огромным дубом, по виноградникам, соленому аромату Черного моря и более всего – по своей красавице жене и семье.

После многолетней веселой холостяцкой жизни Мехмет Эминов женился на Захиде, дочери Партерова, дальнего родственника. Партеров, прусс по происхождению, был землевладельцем в Полтаве. Захиде, которой по желанию ее матери дали татарское имя, была его четвертым ребенком и единственной дочерью, вследствие этого сильно избалованной. Захиде с семьей проводила лето в доме Эминовых. Захиде нравилось здесь, и она никогда не хотела возвращаться в Полтаву после каникул. Она была высокой, стройной, белокожей, синеглазой красавицей – сочетание этих свойств заставляло всех юношей в Алуште бегать за ней, но она замечала только Мехмета Эминова. Он, с другой стороны, почти все время был в Санкт-Петербурге, где то учился, то служил, и возвращался только по редким важным случаям. Однако, когда он приезжал и гордо появлялся на городской площади на своем вороном коне с белой звездочкой на лбу, она приходила в такое волнение, что ей казалось, будто сердце сейчас остановится. Она думала, что ее любовь будет безответной, неизлечимой, неразделенной, и иногда тихонько плакала. Она говорила себе: «Бог знает, сколько русских любовниц у него должно быть в Москве, Санкт-Петербурге и везде, где он путешествует». С чего бы ему обращать внимание на маленькую, неопытную и неуклюжую девчонку?

С одной стороны, она была права, поскольку Мехмет вел разгульную жизнь и был ею безмерно доволен. Однако, с другой стороны, она ошибалась, поскольку с тех пор, как Мехмет встретил ее на свадьбе одного родственника два года назад, ее стать, ее синие глаза не шли у него из головы. Он даже говорил с ее отцом о сватовстве, но получил временный отказ: «Нужно подождать. Девочка еще слишком мала». Он, правда, прекрасно знал всех, кто крутился рядом с Захиде. Почти все эти молодые люди были его друзьями. Если он будет ждать еще, есть вероятность, что девушка не достанется ему. Между тем красавица при виде очередной свахи всякий раз выдумывала предлог, чтобы отказать очередному поклоннику, ведь она тайком вздыхала по одному-единственному

принцу. Несмотря на мечты, когда Эминовы прислали к ней сватов, она сначала в это просто не поверила. Родители ее, прекрасно знавшие, что дочка тайно влюблена, тут же ответили согласием. А к тому же лучшего жениха, чем Мехмет Эминов, сыскать было сложно. Да и Захиде к тому моменту уже минуло шестнадцать лет. Тут же ударили по рукам и вскоре сыграли свадьбу.

Мехмет вспоминал о минувших днях, опустившись на колени рядом с лозой и рассматривая горсть земли. Его любимая жена принесла ему столько же блага, сколько эта почва. Спустя девять месяцев после свадьбы она родила ему красивую девочку. Спустя год после рождения первенца она вновь была беременна. Теперь она ожидала их второго ребенка со дня на день. Эминов хотел много детей. Он будет выращивать зерно, табак, виноград для них, и они пустят корни в эту землю. Его внуки будут брать почву в ладони, чтобы увидеть, как она плодородна, – так же как он сейчас. Он потер ладони одну о другую, стряхивая землю, и встал. Его шапка висела на лозе. Он надел ее и пошел вниз по склону. Он смотрел вперед, туда, где виноградник заканчивался у скал, спускавшихся к Черному морю.

«Черное море, страстное море», – думал Мехмет Эминов.

Внезапно его размышления прервал голос управляющего, который бежал к нему с другого конца сада. Его охватил страх. Не случилось ли что-нибудь с его дорогой Захиде?

– Говори быстро, что стряслось?

Управляющий, задыхаясь, пытался прийти в себя:

– Хорошие новости, господин! Хвала Аллаху, хорошие новости. У вас родился здоровый мальчик.

Эминов перевел дыхание:

– Хвала Аллаху, как моя жена?

– Хаджер сказала мне, что с хозяйкой все хорошо, господин, так же как и с мальчиком.

Хаджер была женой управляющего Джемалю. Джемаль был кахьей, человеком, который вел у Эминовых хозяйство. Жена его была повитухой. Она помогала рождению первого ребенка Эминовых, их дочери Ханифе. Хаджер была мастером своего дела, работала тихо, без лишней суеты, успокаивая и мать, и набившихся в дом родственников.

Мехмет, счастливый, что стал отцом во второй раз, достал из кармана крупную купюру и вложил ее в нагрудный карман жилета кахьи. В его глазах светилась благодарность. Он похлопал Джемалю по плечу и сказал:

– Спасибо тебе!

И быстро зашагал в сторону дома.

Сорок дней спустя в большом двухэтажном каменном доме Эминовых на Садовой улице муэдзин пел на ухо имя младенцу:

– Сеит Мехмет, Сеит Мехмет, Сеит Мехмет!

Маленький Сеит плакал так много, что к его имени добавили прозвище Курт, что означает «волк». В Крыму верят, что дети плачут, потому что слышат издали волков и боятся их. Есть только один способ остановить этот страх – назвать «волком» самого малыша. Судьба то была или нет, но с того времени мальчик плакать перестал, а звать его все стали Курт Сеит.

Глава 5

Алушта

1904

Эминовы с детьми жили в большом доме, стоявшем в тени высоких чинар, и были самой счастливой семьей на земле. Все дети росли здоровыми, были красивыми и изящными. Глаза у Сеита были ярко-синими, как у Захиде. Вечный заводила, он всегда поступал умнее своих сверстников, что сделало его

любимцем отца. Мехмет Эминов был горд и счастлив, любясь своими детьми, когда они играли у его ног. Ему хотелось, чтобы Сеит занял его место, стал главой семьи, когда он состарится. Однажды Захиде услышала, как он говорит эти мысли вслух, и шутливо сказала ему:

– Ну и планы у тебя, Мехмет Эминов, на крошечного ребенка, который всего-то от горшка два вершка! Ты посеешь рознь среди других детей. Так говоришь, будто остальные дети не наши.

Мехмет согласился с женой. Он взял ее за руку, посадил на диван перед очагом, и так они долго сидели. Сеит рассказывал сказку, а Ханифе, Махмут и Осман слушали, то широко открывая глаза от испуга, то смеясь. Ханифе всегда искала у Сеита совета и защиты, хотя она и была на год старше. Осман и Махмут также уважали его старшинство. Стоило им вместе выйти на улицу, как они брали его за руки. Дети никогда не ссорились. Сеит никогда не командовал сестрой и братьями, но дети признавали его своим вождем.

Когда сказка кончилась, Сеит поцеловал братьев и сестру и сказал:

– Пойдем, пора спать.

Дети пожелали родителям спокойной ночи и ушли наверх. Мехмет Эминов ласково сказал жене:

– Ты видела, что я имел в виду? Никогда они не будут завидовать ему, потому что сами выбрали его быть их ханом. Этот мальчик никогда не будет нечестен с кем-либо, никогда не разобьет чье-то сердце. Если он поведет наше дело, все домочадцы будут жить в мире и довольстве.

– Надеюсь, ты прав, Мехмет, – сказала Захиде. – Я, должно быть, зря тебя упрекала. Твое мнение верно. Только пусть Аллах не пошлет им ничего дурного.

Захиде занималась образованием детей, пока Эминов был занят своими многочисленными обязанностями и разъездами между Москвой и Петербургом. Мехмет хотел, чтобы мальчики, и особенно Сеит, стали хорошими наездниками. С этой целью он попросил Джемалю-кахью тренировать их. Каждый раз, когда он возвращался из своих поездок, которые иногда длились по несколько месяцев, он видел их верхом, и Сеит обязательно показывал ему несколько новых трюков.

Мехмет очень гордился сыном, видя, что надежды его не напрасны.

Ненадолго приезжая домой, Эминов начал поговаривать о некоторых беспорядках в столице. Жизнь в Алуште была столь безмятежной, а семья такой счастливой, что Захиде с большим удовольствием дала жизнь пятому ребенку, девочке, которую назвали Хавва. Когда Хавва родилась, Ханифе было тринадцать, Сеиту двенадцать, Осману восемь, а Махмуту четыре. Хавва, светлокожая и с большими синими глазами, была точной копией матери. Захиде было уже двадцать семь лет, но, несмотря на то что у нее было уже пятеро детей, по ее внешнему виду этого нельзя было сказать. Кожа ее сохранила цвет слоновой кости, и она по-прежнему выглядела той пятнадцатилетней девочкой, которую Мехмет полюбил много лет назад. Но только Эминов знал, что теперь эта невинная чистая красота скрывает страстную взрослую женщину.

Обряд обрезания мальчиков был запланирован на лето. Сеит был взволнован переменой, которая должна была произойти. Дом гудел от приготовлений.

В одной из просторных комнат на первом этаже установили большую латунную кровать. Ее покрыли белыми кружевами и накрахмаленными простынями, уложили на нее пышные подушки и одеяла в шелковых пододеяльниках. Три старухи во главе с Захиде тщательно вычистили дом. Для гостей и прибывших издалека родственников были приготовлены спальни. В саду были расставлены столы, кресла и лампы. Захиде старалась приготовить все наилучшим образом, чтобы Эминов мог ни о чем не беспокоиться, когда вернется домой со службы.

Между тем Мехмет сумел приехать домой только накануне церемонии, глубокой ночью. Захиде ужасно беспокоилась, что муж опаздывает. Обычно он доезжал поездом до Ливадии по прямой линии, построенной для царя. На станции его должен был встретить слуга, который приводил ему из дома коня. От Ливадии Мехмет ехал верхом в Алушту.

Услышав приближающийся стук копыт, Захиде схватила лампу и бросилась к двери. Даже на большом расстоянии по посадке на лошади она узнала мужа. Захиде так обрадовалась, что побежала ему навстречу в одной белой ночной сорочке, накинув на плечи шаль. Он тут же галопом подлетел к ней, спрыгнул с лошади и обнял:

– Захиде, что ты делаешь на улице в такой поздний час?

Лицо молодой женщины светилось счастьем и радостью. В тусклом свете лампы она была похожа на сказочную пери – стройная, с развевающимися волосами и глазами, полными любви. Они крепко обнялись и простояли так некоторое время.

– Ты замерз, – сказала Захиде, глядя его усталое небритое лицо. Он взял лампу из ее рук, поставил на стоявшую рядом скамейку, затем запрыгнул на коня и протянул ей руку. Она взялась за его руку, поставила ногу на стремя и дала поднять себя. Держась за него обеими руками, прижимаясь к его спине, она положила голову ему на плечо. Мехмет повернулся назад и мягко сказал:

– Там, откуда ты пришла, должно быть, уютно и тепло, отведи меня туда.

Он почувствовал, как ее сердце забилось быстрее. Несмотря на темноту, он знал, что щеки ее покраснели. Она была счастлива и волновалась, как юная невеста.

Той ночью радость от встречи после долгой разлуки и мысли о следующем дне не дали им уснуть. Мехмет сомкнул глаза лишь тогда, когда первые лучи солнца коснулись их постели. Захиде тихо встала, поцеловала мужа, укрыла его и задвинула занавески, затем оделась и на цыпочках вышла из комнаты. Комната Хаввы была рядом. Захиде вошла к дочери. Та была похожа на куклу – нежная белая кожа и розовые щечки. Она спала на животе, посасывая палец. Боясь разбудить ее, Захиде осторожно взяла малышку на руки, положила на тахту и расстегнула блузку. В груди было очень много молока, так что все болело. Она притянула к себе ребенка. Инстинктивно, не просыпаясь, девочка широко открыла рот. После нескольких промахов она начала жадно сосать. Глядя на нее, Захиде прошептала:

– Аллах Всемогущий, благодарю тебя за счастье быть матерью такой красавицы.

Когда девочка наелась, Захиде уложила ее назад в кроватку и закрыла дверь. Затем пошла в комнату мальчиков. Сеит, уже встав, пытался разбудить братьев:

– Давай, Осман, просыпайся, у нас сегодня большой праздник! Вставай, уже утро.

Осман наконец вскочил, будто его иголкой укололи. Он протер глаза и спросил:

- Когда идти на обрезание, прямо сейчас?

Захиде не смогла сдержать смеха:

- Нет, не прямо сейчас, сынок. Нам еще многое надо подготовить. Вам с братом надо вымыться, и отец отведет вас обоих на намаз в мечеть.

Мальчики заметили, что мать стоит на пороге, подбежали к ней, обняли и поцеловали. Сеит очень переживал и засыпал ее вопросами:

- Папа вернулся? Когда он вернулся? Можно пойти к нему прямо сейчас?

- Не так быстро, сынок. Отец очень устал. Дай ему немного отдохнуть. Я разбужу его, когда пора будет идти в мечеть. Прежде ему надо выспаться.

- Мама, скажи, а папе делали обрезание? - спросил Осман.

- Конечно, делали, глупый, - Сеит ущипнул брата за щеку. - Всем мужчинам делают обрезание.

- Что нам будут делать на обрезании?

- Отрежут тебе кусочек пи-пи, - ответил Сеит с умным видом.

Глаза Османа широко распахнулись от ужаса, он в недоумении посмотрел на мать:

- Это неправда! Да, мама? Мой брат ведь врет! Или нет?

Прежде чем Захиде нашлась, что ответить, он забрался на кровать и зарыдал:

- Я не хочу, чтобы мне пи-пи резали, не хочу, не хочу!

Пытаясь успокоить младшего, Захиде ругала старшего сына:

– Видишь, что ты наделал, Сеит? Ради Аллаха, скажи, разве можно так пугать брата?

Только Осман начал успокаиваться на руках у матери, как Сеит снова заговорил с умным видом:

– Почему испугал? Мужчина не должен ничего бояться. Я говорю правду. Он скоро увидит это, когда ему подрежут пи-пи.

Осман зарыдал снова. Захиде запаниковала, дело принимало дурной оборот. «Чем раньше Мехмет поговорит с сыновьями о некоторых жизненных вещах, тем лучше», – подумала она. Захиде не знала, что сказать им. Когда к обрезанию готовили ее братьев, подготовительный разговор всегда проводил отец. Матери никогда не приходилось вмешиваться. Сеиту было неловко за брата. Он искал, что бы такого сказать, чтобы успокоить его.

– Осман, послушай меня. Это вовсе не так плохо. Заткнись, ради Аллаха.

Он погладил залитые слезами щеки брата и мягким голосом попробовал успокоить его:

– Представь себе только, сколько мы с тобой получим подарков, и к тому же после обрезания ты станешь взрослым мужчиной.

Мальчик немного утих. Захиде воспользовалась затишьем, чтобы сходить в спальню и предупредить мужа. «Муж должен встать и сам разобраться с этой ситуацией», – думала она. Мехмет уже проснулся. Он весело спросил жену:

– Ради Аллаха, что за шум? Даже в Петербурге тише, чем здесь.

– Эминов, тебе нужно кое с чем разобраться.

Захиде всегда обращалась к мужу по фамилии, когда речь шла о чем-то серьезном.

– Тебе необходимо поговорить с детьми, и чем скорее, тем лучше.

Он шутливо спросил:

– С которыми: с мальчиками, с девочками, с тремя старшими или со всеми вместе?

– Это даже не смешно, Эминов. Сегодня день их обрезания, и никто не поговорил с ними об этом. Они не знают, что их ждет. Только Сеит, кажется, что-то знает. Что знает, от кого, один Аллах ведаёт.

Мехмет тут же посерьезнел. Он обнял жену и мягко сказал: – Ты права, я мало времени посвящаю детям. Мне следовало поговорить с ними уже давно, и вообще мне следует чаще разговаривать с ними. Не беспокойся, я разберусь. А потом мы помоемся и отправимся в мечеть.

У Захиде отлегло от сердца. Мехмет пошел в комнату к мальчикам.

Вскоре мужчины в доме были вымыты, одеты и готовы идти. Осман больше не плакал. Наоборот, в оставшийся час перед обрезанием он даже задирает нос, стараясь держаться как взрослый.

Мальчики надели приготовленную накануне одежду для обрезания. Одежда состояла из белых рубах, белых штанов, красной сатиновой перевязи с левого плеча к поясу. На левое плечо каждому была приколотая синяя с белым бусина от сглаза. Захиде с гордостью смотрела на них.

«Аллах Всемогущий! – думала она. – Как быстро они выросли».

Когда все были одеты и готовы, Мехмет повел сыновей в мечеть на намаз.

Сразу после полудня предпраздничная суматоха в доме усилилась. Прислуга и все взрослые женщины готовили на кухне праздничную еду – пеклись слоеные пирожки-бёреки с мясом, тушился плов, составлялись блюда из свежих овощей с оливковым маслом, варилась кунжутная халва с фисташками, заправлялся шафраном сладкий рис-зерде, перебирались фрукты на шербет. Еда благоухала в больших луженых медных казанах. Мехмет занимался сыновьями. Захиде носилась между кухней, кладовой, комнатами для гостей и садом. О маленькой Хавве заботилась Ханифе.

Убедившись, что все идет как надо, Захиде сама стала готовиться к празднику. Она вымылась, но длинные волосы высушить не успела. Она выбрала в шкафу голубое шифоновое платье. Мехмету оно нравилось больше других. Потом заплела влажные волосы в косы, надела широкий серебряный пояс – подарок мужа на свадьбу. Отбросив косы за спину, быстрым взглядом осмотрела себя в зеркале. Косы доставали ровно до пояса и очень красиво смотрелись с серебром. Теперь пора было возвращаться на кухню. Она уже спускалась по лестнице, когда раздался голос Джемала, объявлявшего о прибытии первых гостей.

Мехмет Эминов встречал их. Он приветствовал имама-ходжу и хирурга-сюннетчи, которые следовали за Джемалем. Почетных гостей провели в гостиную. Подали им шербет. Мехмет вышел в соседнюю комнату, где с нетерпением дожидались мальчики, взяв их за руки, привел и поставил перед ходжой. Сеит и Осман благоговейно поцеловали тому руку. У старого имама были седые волосы, длинная седая борода и мягкий тихий голос.

– Машаллах! Твои сыновья – настоящие львята, машаллах! Имам поздравил Мехмета, а затем повернулся к Сеиту.

Ходжа поднял одну ладонь вверх в молитвенном жесте, а другую положил ему на голову. Закрыв глаза, шепча молитвы, время от времени наклоняясь к мальчику и дуя ему в лицо. Каждый раз, когда ходжа дул, волосы Сеита развевались и он вздрагивал. Осману это казалось очень смешным. Потом на тюрбан ходжи села муха, и Осман, не выдержав, захихикал. Строгий взгляд отца вернул его к действительности. Молитва закончилась проникновенным «аминь», и ходжа убрал руку.

– Желая тебе стать хорошим сыном и сильным мужчиной, иншаллах, по воле Аллаха.

Сеит чувствовал, что серьезное испытание наполовину пройдено. Он сел рядом с отцом и смотрел, как Махмута тоже очищают от назара, сглаза, и дают ему защиту самого Аллаха.

В соседней комнате хирург уже подготовил все необходимые инструменты. Хирург был маленьким скромным человеком. Его вид внушал детям покой и уверенность, что этот человек не сделает им больно. Хирург вымыл над тазом с горячей водой руки, а затем показался на пороге гостиной и произнес:

– Господин, я готов. Который первый?

Мехмет Эминов, зная, как страшно младшему сыну, решил, что он должен быть первым, но Осман уже стоял позади Сеита, цепляясь за его рубаху. Сеит выступил вперед:

– Я первый.

Сказав это, Сеит задержал дыхание, чтобы скрыть дрожавший голос. Осман кинул на него благодарный взгляд. Как обычно, Сеит пришел на помощь. Эминов ласково положил руку на плечо старшего сына, ведя его за хирургом в соседнюю комнату, и закрыл за ними дверь. Османа, который очень хотел посмотреть, что будет, оставили снаружи, чтобы он не испугался. Хирург не хотел, чтобы оба мальчика вошли в операционную одновременно, потому что боялся: плач одного может напугать другого, поднимется суматоха, и трудно будет все закончить, как полагается.

Джемаль-кахья взял Османа за руку и повел в другие комнаты, чтобы мальчик отвлекся.

Сеит старался не смотреть на инструменты на столе. Мысль, что часть его тела вот-вот будет отрезана, вызывала у него ужас, голова болела, его подташнивало, но он изо всех сил старался держать себя в руках. Никто не должен знать, что он боится. Он почувствовал прикосновение отца и поднял взгляд. Оказывается, тот тихонько вошел в комнату.

– Мой мальчик, я горжусь тобой, знай это. Приготовься.

– Как я должен подготовиться?

– Раздевайся и ложись на диван.

– Почему не на праздничную постель?

– Туда нужно будет лечь позже, после того как доктор все закончит.

Сеит потянулся к уху отца и прошептал:

- Отец, стыдно раздеваться перед незнакомцем!

- Не беспокойся, сынок, он ведь проводит ритуал, и все должно быть как положено.

- Почему не ты делаешь мне обрезание?

Мехмет не смог сдержать улыбку:

- Потому что я не суннетчи, я солдат.

Сеит продолжал медленно раздеваться.

- Я тоже стану солдатом, правда, отец?

- Конечно, мой мальчик, ты тоже станешь солдатом! Так что ты должен быть готов к небольшой боли вроде той, что сейчас предстоит тебе. Увидишь, все произойдет так быстро, что ты даже не почувствуешь.

Время для Сеита внезапно остановилось, когда он сел перед хирургом. Стараясь не глядеть ни на врача, ни на инструменты, он затаил дыхание. Сжал зубы крепко, чтобы не закричать. Его правая ладонь, которая лежала в огромной руке отца, вспотела. Лево́й рукой он поддерживал длинную рубаху. Запахло антисептиком, а потом Сеит почувствовал, как жидкость потекла у него между ног. Он обязан был не издать ни звука, потому что снаружи ждал младший брат. В ушах у Сеита звенело. Издалека послышался голос хирурга:

- Бисмилла! Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного! «Вот сейчас», - подумал Сеит. Он собрался с силами, сжав руки, глубоко вздохнул, закрыл глаза, и вот все случилось прямо в тот момент. Пришла резкая боль, правда, быстро притупившаяся. От страха все онемело. Между тем хирург говорил ему:

- Ну вот и все, машаллах! Скоро все будет в порядке.

Отец произнес:

– Вот и все, мой смелый сынок. Теперь можно лечь на праздничную постель. Будь молодцом, мой смелый сын. Я надеюсь, что брат будет держаться так же хорошо.

С этими словами Мехмет помог сыну одеться, положил его на постель, погладил по голове, поцеловал в лоб и спросил:

– Больно?

Мальчик отрицательно помотал головой, но, увидев, что ему не верят, добавил:

– Больно, но не очень.

Мехмет поцеловал Сеита и отправился за младшим сыном. А под нос еле слышно пробормотал:

– Вот же маленький лжец.

Осман, который убедился, что Сеиту совершенно не было больно, потому что за всю операцию не раздалось ни звука, успокоился. Правда, его собственная операция прошла не столь гладко. Сеит, ожидая момента, когда брата тоже подведут к постели, где они должны лежать рядом, страдал, что ничем не может помочь Осману. Потом в комнату вошла Захиде, чтобы обнять детей. В этот момент Сеит вытирал брату слезы с щек и приговаривал:

– Осман, фу, как некрасиво плакать. Ничего не произошло. Все закончилось. Ты ведь хочешь стать солдатом?

Осман перестал плакать, повернулся к брату и сказал:

– Хочу, но только когда вырасту.

– А что, разве солдаты плачут, когда им больно?

Захиде не могла сдержать слез. Она тихонько ушла из комнаты. Муж проводил хирурга. Когда он вернулся в дом, то увидел, как жена плачет за дверью.

– Что случилось, дорогая?

– Ничего.

– Ты плачешь просто так?

– Не знаю. Наверное, плачу от счастья. Пусть Аллах никогда не даст мне увидеть страдания моих сыновей, Эминов. Иначе я умру от горя.

– Если ты плачешь, когда счастлива, что же будет, если беда случится? Возьми себя в руки, джаным, пойдем посмотрим, как там наши мальчики.

Толпа гостей заполнила комнату, а подарки – кровать. Мальчики почти забыли о боли. Их плечи и грудь были усыпаны золотыми монетами и бумажными деньгами. Коробки, большие и маленькие, будоражили воображение. Каждый пришедший вначале подходил к братьям, чтобы осведомиться об их самочувствии.

Осман говорил, как научил Сеит:

– Это совсем не больно. – И приосанивался. Гости желали благополучия и вручали подарки. Мальчики никогда не думали, что болезненное и неприятное дело может закончиться такими удовольствиями и заботой.

Длинные столы под чинарами в саду были уставлены всевозможными яствами, а с кухни подносили еще и еще. Пылали огни, на которых целиком жарились туши ягнят и козлят.

Захиде в какой-то момент поднялась в дом, чтобы покормить дочь. Весь вечер старшая дочь Джемаля-кахьи должна была нянчиться с ней. Уложив ребенка в постель, она вышла на балкон взглянуть на сад. Теплая тихая летняя ночь накрыла Алушту бархатным покрывалом. В саду давно зажгли светильники. Музыканты занимали свои места на выделенной им части веранды, у входа. Вино для этого вечера Мехмет приготовил много лет назад из лучших сортов своего винограда. Вино, с незапамятных времен томившееся в бочках, теперь лилось ручьем. Праздник только начался, но некоторые гости были уже навеселе. Захиде пыталась разглядеть мужа в толпе гостей. Вот он, обняв двоих друзей, о

чем-то громко разговаривает с ними и смеется. Некоторое время Захиде смотрела на мужа влюбленными глазами. В толпе гостей он был самым красивым. Она была очень счастлива. Захиде крепко сжала решетку балкона, закрыла глаза и глубоко вздохнула. Соленый воздух Черного моря, смешавшийся с ароматом зеленых виноградников, соединился с легким бризом, который овеивал их сад, чуть шевеля листья вековых платанов. С благодарностью посмотрела на звездное небо Захиде:

- Благодарю тебя, Аллах!

Из дома раздался голос дочери Джемалья-кахьи, Лейлы, которая перекладывала детские подгузники:

- Вы что-то сказали, ханым-эфенди?

Захиде вошла в комнату и ответила с улыбкой:

- Я сказала, чудесный вечер.

Она спустилась в комнату обрезания к мальчикам. Они отдыхали в постели, обложенные вышитыми кружевными подушками, довольные и вниманием, и подарками. Маленький Махмут смотрел на них с завистью, надеясь, что скоро придет его черед. Появление Захиде напомнило гостям о том, что мальчикам нужно отдыхать. Захиде любезно проводила всех из комнаты и села на постель. Дети были уставшими, но счастливыми.

- Как вы? Чего-нибудь хотите?

- Мне хорошо, - сказал Осман. - Сеиту тоже, да, Сеит?

Захиде улыбнулась так, что младший забыл о боли. Она сказала:

- Хорошо, я вижу, что все в порядке. Я счастлива. Ваш отец тоже будет очень рад слышать это.

- Отец придет к нам? - спросил Сеит.

– Конечно, придет. В свой черед мы с отцом придем проведать вас.

Она направилась к широкому окну напротив кровати, открыла щеколды, раздвинула занавески, раскрыла ставни. Музыка, огни, звуки ворвались в комнату.

– Вот вам целый спектакль! Как раз перед вами, прямо в вашей комнате. Будете смотреть, пока не уснете.

Мальчики попытались сесть в кровати. Захиде для удобства положила им под спины подушки, расцеловала и вышла из комнаты. Но, уставшие от впечатлений, страха и волнений, они быстро провалились в сладкий сон.

На следующее утро Сеит проснулся первым. Пытаясь выбраться из постели, он увидел, что в комнату входит отец.

– Эй, юноша, что это ты задумал? Вылезать из постели самому на первый же день нельзя!

Сеит сказал, что ему нужно в туалет, отец помог сыну выбраться из постели, и они медленно пошли в сторону ванной. На мальчике была длинная ночная рубаша, надетая на голое тело. При ходьбе боль ниже пояса не давала покоя, и, чтобы облегчить ее, он инстинктивно расставлял ноги и выглядел так, как будто шел на костылях.

Внезапно он увидел большую, красиво перевязанную коробку, которую отец оставил на столе. Мехмет сказал:

– Ты можешь открыть ее, когда опять будешь в кровати.

Сеиту не терпелось посмотреть, что же в ней и от кого этот последний подарок. Вскоре при помощи отца мальчик уселся на софу у окна и потянулся к коробке, которую Мехмет с улыбкой медленно обеими руками двигал к нему. Ясно, что в ней было что-то тяжелое. Сеит залюбовался блестящей упаковочной бумагой и сатиновой лентой. Он думал: «Что же в ней может быть?»

Он уже собирался спросить: «Можно мне это открыть?» – как Мехмет спросил:

- Ты не хочешь спросить, от кого это?

- Ты знаешь, кто это прислал?

- Конечно, знаю. Кто, как ты думаешь, вез ее всю дорогу из Санкт-Петербурга?

- Ты, папочка?

- Да, я. Но из-за его важности мы не положили этот подарок к другим. Я решил вручить его тебе отдельно.

Сеиту было нестерпимо любопытно. Он с прошлого вечера запомнил, что отец купил им с братом по лошади. Дополнительный подарок мог создать зависть между братьями, так что Сеит даже понизил голос, чтобы не разбудить спавшего сладким сном Османа. Он не хотел, чтобы брат подслушал разговор.

- Этот подарок особенный, - сказал отец. - Чтобы понять его важность, тебе надо открыть коробку. По правде сказать, я даже не знаю, что внутри. Мне самому очень любопытно.

- Ты ведь знаешь, от кого он, правда?

- Я знаю, но не хочу тебе говорить. Это часть сюрприза.

Сеит не мог понять, кто же, живя в Санкт-Петербурге, мог послать подарок к обрезанию только ему, а не его брату. Он начал развязывать ленту, затем развернул блестящую бумагу. Любопытство требовало разорвать упаковку, но внутренний голос подсказывал растянуть удовольствие. Бумага к тому же была слишком яркой и красивой, чтобы рвать ее. Тот, кто упаковывал подарок, словно специально упаковал его так, чтобы испытать терпение Сеита. Появилась коробка из плотного картона. Открыв коробку, Сеит увидел, что подарок обмотан белой папиросной бумагой, и опять не понял, что это. Мехмет разглядывал упаковку так же пристально, как и сын. Наконец показался подарок. Мехмет присвистнул, не сумев сдержать восхищения.

На столе стоял деревянный сундучок. Сундучок был необычный. На черной лакированной поверхности его сторон были нарисованы красивые виды.

Картинки были так замечательны и так сложны, что выступали из сияющей тьмы лака, как если бы светились в ночи. Однако красивее картинок был бронзовый петух, восседавший на бронзовом замке крышки. Его клюв, перья, когти, вцепившиеся в ветвь, выглядели столь натурально, что Сеит не мог больше сдерживаться:

- Как красиво! Словно живой! Как будто сейчас закукарекает! Правда, папа?

- Правда! Он именно это сейчас и сделает!

Увидев взгляд сына, Мехмет засмеялся, сунул руку в карман, достал золотой ключ на шелковом шнурке и передал Сеиту. Тот взял ключ и удивленно спросил:

- Какая прелесть! Кто же мог сделать такой подарок?

Мехмету не хотелось больше испытывать терпение сына, и он произнес:

- У тебя есть ключ. Открой и посмотри!

Сеит вставил дрожащими руками ключ в замок и повернул его. Внезапно бронзовый петух начал крутиться на бронзовой ветке, на которой сидел, и закукарекал, как настоящий. Прокукарекав три раза, петух замолчал. Сундучок открылся.

Мехмет поднял крышку. Его взгляд остановился на надписи, вытравленной на бронзе. Прочитав ее, Сеит закрыл рот руками, чтобы сдержать крик изумления. Под изящной надписью, содержащей благопожелания на церемонию и на будущее, были вырезаны вензель и герб Николая II.

- Это от самого царя! Папа, не могу поверить! Потрясающе! Как он узнал обо мне? Как он узнал о том, что мне предстоит обрезание? Он что, всем посылает такие подарки?

Сеит, не переводя дух, выпаливал один вопрос за другим. Мехмет смеялся, дожидаясь, пока сын успокоится. Сеит совершенно позабыл о боли, сполз с софы на пол и, встав на колени перед произведением искусства, глядя лак, любясь изящными рисунками, засунул нос в сундук.

– Чтобы получить разрешение отправиться домой, я объяснил важность церемонии обрезания для моих сыновей. Судя по этому подарку, я сумел рассказать о важности этого обычая. Получить такой подарок от самого царя – огромная честь. Сеит, дорогой мой сын! Удостоиться такой чести в двенадцать лет – неслыханно. Ты должен ценить это. Я уверен, что ты будешь дорожить этим подарком, беречь его всю свою жизнь, будешь с гордостью рассказывать о нем и передашь своим детям и внукам.

– Можно мне рассказать о нем своим друзьям? В смысле пока у меня нет детей?

Сеит пытался выглядеть взросло, но горел юношеским энтузиазмом. Мехмет улыбнулся:

– Конечно, ты можешь рассказывать о нем своим друзьям, пока у тебя не появятся дети. Хотя у тебя едва ли хватит на это времени.

– Почему? Что, после обрезания сразу же женятся?

– Нет, дорогой сын. До женитьбы еще далеко, но ты недолго пробудешь здесь.

Сеит неохотно оторвал взгляд от подарка и внимательно посмотрел на отца:

– Куда мы поедем?

– У меня есть кое-какие дела неподалеку. Я должен встретить и сопровождать царя с семьей в летний дворец в Ливадии. Через три недели я вернусь. Затем мы с тобой поедем в Санкт-Петербург.

– Ура-а-а! Это правда? Я поеду с тобой прямо в Петербург?

– Да, сынок. Отныне ты начнешь обучение, которое необходимо для твоего будущего. В оставшееся время, пожалуйста, позаботься о себе. Не вздумай заболеть. Когда твои раны заживут, не ленись, потренируйся в искусстве наездника. До моего возвращения ты должен хорошо кушать и ездить на лошади каждый день. Будь осторожен и не устраивай сумасшедших выходов. Отложи свое удалство для будущего. Договорились?

Сеит утвердительно кивнул. Он был так взволнован, что на глаза навернулись слезы. Он долго стоял на коленях перед сундучком, после того как отец поцеловал его и вышел из комнаты. На одной из картинок молодой мужчина в красном кафтане дарил цветы красивой девушке, сидящей под ветвями плакучей ивы. Девушка была в золотом кокошнике, с золотыми косами, перевязанными лентой и ниспадавшими ей на плечи, словно ветви ивы. Встретит ли он такую красивую девушку в Санкт-Петербурге? Сеит погрузился в мечты, в которых видел себя на месте молодого человека с картинки.

Глава 6

На пути в Санкт-Петербург

1904

Месяц спустя после церемонии обрезания Сеит начал готовиться к своему первому далекому путешествию с отцом в Санкт-Петербург. Он был очень взволнован. С того самого дня, когда новость об этом приключении неожиданно свалилась на него, он не мог заснуть. Ему было уже двенадцать, он был достаточно взрослый для поступления в юнкерское училище. Он понял теперь, почему родители так настойчиво занимались его образованием. Он с четырех лет брал уроки русского языка у бывшего преподавателя одной киевской гимназии, перебравшегося на старости лет в Алушту. Он ездил на лошади не хуже взрослого. Его отец и Джемаль-кахья научили его таким замысловатым трюкам, которых многие наездники даже не знали, не то что выполняли.

– Впереди у нас долгое и утомительное путешествие, – сказал отец, но мальчик не беспокоился. Он не мог поверить, что увидит большие города, царский дворец и, может быть, даже самого царя. Он пытался представить все это, и в воображении начинал переживать свои новые приключения.

Остальных Эминовых подготовка к отъезду печалила. Захиде, которая привыкла провожать своего мужа, не могла сдержать слез всякий раз, когда думала о том, что ее сын тоже уезжает. Дети притихли. Отъезд Сеита был потерей для них. Непонятно, что им теперь было делать.

День отъезда наступил быстрее, чем казалось. Мехмет Эминов блистал в своей роскошной форме с адъютантскими эполетами. Сеит облачился в белую рубашу с пуговицами на шее, «верховые» штаны и сапоги. Поцеловав Захиде и остальных домочадцев, помахав рукой слугам, они вскочили на лошадей. Захиде внезапно осознала, каким взрослым стал ее сын. Несмотря на грусть, она улыбалась. Один из этих двух красивых всадников был ее мужем, второй – сыном. Ее переполняла гордость.

Отец и сын тронули лошадей, кивнули в последний раз и пустились с места в галоп. Верхом они доехали до Одессы, где сели на поезд до Киева с пересадкой в Москве, и в конце концов приехали в Санкт-Петербург. Всю дорогу Сеит с интересом разглядывал открывающийся перед ним мир. Он никогда не представлял себе, что в мире столько разных людей, и был любопытен и любознателен. Гомонящие на перронах пассажиры, ругань носильщиков, запах угольного дыма, вырывавшегося из труб паровозов, провожающие – все это было так непохоже на Алушту, его родину, которую он не покидал с самого своего рождения. Мальчик наслаждался новыми впечатлениями.

Они путешествовали в первом классе, с чистыми и хорошо одетыми пассажирами. В других вагонах людей было как сельдей в бочке. Там ехали небритые мужчины, с грязными лицами, в поношенной одежде; неопрятные женщины, с жирными нечесаными волосами, в старых, покрытых пятнами платках и шалях; грязные дети, с сопливými носами, в стоптанных башмаках и залатанной одежде; никогда не улыбавшиеся девушки, с хмурыми лицами, прижимавшие к груди свои сумки так, будто они были им дороже жизни. На каждой станции толпа толкалась у вагона так, будто поезд был последним, мешая тем, кто пытался выйти, затеявая драку за проход. Те, кто пытался выйти, рисковали быть растоптанными напирющей толпой. Начальники станции вмешивались, свистели в свистки и осыпали руганью всех вокруг, пытаясь восстановить порядок. В конце концов поезд трогался и путешествие продолжалось. Сеит прилипал к окну. Путешествие на поезде заняло несколько дней и ночей, и мальчик наслаждался каждой его минутой.

Когда они наконец прибыли в Санкт-Петербург, был вечер. Огромный паровоз затормозил, с шипением выпуская облака пара. Толпа заполнила вокзал. Носильщики в ливреях подошли к их с отцом купе, чтобы забрать багаж. Мехмет, придерживая за руку сына, говорил:

– Нужно поторопиться, иначе не будет ни одного извозчика.

То и дело останавливаясь, они пробирались сквозь толпу, следуя за носильщиком, несшим их багаж. Сеит, держа за руку отца, озираясь на высокие ворота и узорчатые потолки вокзала, пытался поспевать за ним.

Глядя по сторонам, он то наступал какой-либо даме на подол длинного платья, то ударялся о чемодан, который тащил очередной носильщик, и всякий раз смущенно извинялся. Толпа прибывших смешалась с толпой встречающих, в которой стояли и радушные родственники, и полные надежд влюбленные, и веселые друзья. У Сеита закружилась голова – так много вокруг было тех, кто наконец встретился вновь и теперь радостно обнимался.

Извозчики, хорошо знавшие, что чем темнее становится, тем больше народу будет стараться как можно скорее вернуться домой, выстроились у ворот вокзала, набивая цену. Как только один отъезжал с пассажирами и багажом, его место занимал следующий. У Сеита с отцом, на счастье, багажа было немного, и поэтому они оказались в первых рядах в очереди на экипаж. Извозчик слез с козел, схватил их багаж и погрузил его рядом со своим местом. Мехмет с Сеитом забрались в карету и с удобством расположились на кожаных сиденьях.

– В Коломну! – крикнул Мехмет извозчику, который лишь кивнул в ответ. Под свист хлыста экипаж рванулся вперед.

– Что это? – с любопытством спросил Сеит.

Мехмет с улыбкой ответил:

– Это место, где наш дом.

– Разве наш дом не в Алуште?

– Половина моей жизни прошла здесь, сын мой, так что здесь наш второй дом. Отныне мы с тобой будем делить его, ты и я.

– Где эта Колом?

Мехмет улыбнулся и поправил:

- Коломна находится на окраине Санкт-Петербурга. Раньше там были дворцы для отдыха. А теперь остался только парк – маленький рай на островах. Наш столичный дом не такой большой, как в Алуште, но тебе понравится.

- Мы будем долго жить там?

- К сожалению, нет. Мы пробудем там сегодня и, может быть, завтра. Немного отдохнем. После того как тебя зарегистрируют в школе, мы сможем провести еще несколько дней вместе. Санкт-Петербург – один из самых красивых городов в мире. Я хотел бы показать тебе его и представить моим друзьям, надеюсь, тебе понравится.

- А потом?

- Потом ты отправишься в училище, а я в свой полк.

Взгляд и голос Сеита внезапно погрузнели.

- Мы больше не увидимся?

- Увидимся, разумеется, но лишь тогда, когда твое училище и моя служба позволят.

- Я буду по тебе очень скучать.

Мехмет положил руку на плечо сыну и притянул к себе. Сеит был его любимым ребенком. Уезжая на службу, Мехмет именно по нему скучал больше всего. Отныне Сеит должен бороться, чтобы выстоять и даже вырваться вперед других. Мехмет беспокоился за сына, но не сомневался в его успехе.

- Скучать, сын мой, можно только по людям, которых ты любишь и знаешь давно. Счастливы те, кто может соскучиться, это значит, что у них есть настоящая любовь. Самая мучительная боль – это когда твои любимые недостижимо далеко.

Сеит поднял голову и кивнул. Он не мог разобрать, блестели ли в глазах Мехмета слезы или ему только так показалось. Они ехали по широкой улице в

окружении красивых домов, освещенных узорными газовыми лампами.

– Эта улица называется Невский проспект, – сказал Мехмет. – Он идет до площади Александра Невского. Его пересекает несколько рек, а дальше, за ним, самая большая река – Нева. Не доезжая до нее, мы свернем и поедem в Коломну; ехать нам не очень далеко.

Сеиту нравилось все. Сидя на кожаном сиденье экипажа рядом с отцом и проезжая на большой скорости по освещенным газом улицам великолепного города, он не беспокоился ни о чем. Он только чуть-чуть скучал по оставшейся дома семье. Но разве отец не сказал, что это – счастье, когда есть по кому скучать? Вскоре он расстанется еще и с отцом. По крайней мере, теперь, пока отец рядом, стоило радоваться.

Через некоторое время яркие огни города остались позади. Когда они пересекли по мосту очередную речушку, то оказались на небольшой дороге, обсаженной деревьями. Покачивание экипажа, скрип колес, стук лошадиных копыт, позвякивание колокольчиков и темнота снаружи убаюкали мальчика. В конце концов он не смог больше сопротивляться и провалился в сладкий сон.

Пока он спал, Мехмет гадал, когда он сможет снова повидать сына и обнять его. Становилось холодно. Стараясь не разбудить ребенка, он снял сюртук, положил голову Сеита себе на грудь и прикрыл сына. Воздух был очень влажным.

Вскоре извозчик остановился, и Сеит проснулся от мягкого голоса отца. Он сонно осмотрелся вокруг. Первое, что бросилось ему в глаза, – большие кованые железные ворота в железном заборе. По обеим сторонам от входа горели фонари, похожие на те, что он видел вдоль улиц, по которым они ехали. Мехмет медленно спустился по ступеням экипажа. Сеит спрыгнул за отцом. Из дома вышли мужчина и женщина и быстро направились к ним. У ворот они почтительно остановились и застыли, сложив руки на животе. Мужчина был немолодым, высоким и худым. Словно стесняясь своего роста, он сутулился. У него была большая седая борода и усы, смеющиеся глаза и мягкий голос, резко контрастировавший с его грубым лицом.

– Добро пожаловать, полковник Эминов.

Пожилая женщина была низкого роста и в противоположность мужчине довольно полная. Ее белоснежные волосы были уложены в шиньон. Широко расставленные ярко-голубые глаза, полные губы, всегда готовые к улыбке, придавали ее лицу мягкое оживление. Она вытерла руки о фартук и по примеру мужчины уважительно повторила то же приветствие. Мехмет держал сына за плечи:

– Вот наш долгожданный гость, мой сын Сеит Эминов.

Затем он повернулся к Сеиту:

– Сеит, это Ганя и Тамара. Они присматривают за хозяйством в нашем доме.

Сеиту понравилась пара.

Он сказал: «Здравствуйте! Мне очень приятно!» – на чистом и беглом русском. Мехмет был удивлен. Он не ожидал, что сын с такой легкостью перейдет на второй, неродной язык, на котором ему теперь предстоит разговаривать постоянно.

Пожилой дворецкий с женой подхватили чемоданы и повели их в дом. Рука Мехмета лежала на плече сына.

Дом в Коломне был типичной русской загородной постройкой, обычно используемой для летнего отдыха. От зимних холодов и сырости межсезонья во всех комнатах были сделаны каминные. На первом этаже находились кухня, столовая и кладовая, двери которых выходили в небольшой зал, где по стенам были развешаны ружья и охотничьи трофеи, и начиналась лестница на второй этаж. Несмотря на усталость, Сеит осматривал дом с интересом, как новую игрушку. Он последовал за отцом наверх. По запаху было ясно, что деревянные ступеньки были отполированы и покрыты воском к их приезду. Он внезапно почувствовал себя старше. Ощущение было совершенно новым. Делить дом с отцом, приходить домой и открывать дверь своим собственным ключом, жить в доме одному и называть его своим – все это и пугало, и притягивало. Он, безусловно, будет скучать здесь по Алуште, по матери, по семье, по сестрам и братьям, но жизнь здесь обещала быть захватывающей.

На верхнем этаже располагались три спальни, выходящие на просторную площадку у лестницы. Между дверями комнат на стенах висели стеклянные светильники. Отец открыл среднюю дверь:

- Это твоя комната. В ней никто не жил до тебя. Считай ее своей собственной.

Все так непохоже на их дом в Алуште. Вместо красивых белых тюлевых занавесок здесь висели тяжелые красные занавеси, а на кровати лежало тяжелое покрывало. Пол был покрыт большим ковром в красно-коричневых тонах. Комната была обставлена просто, хотя и со вкусом. Обстановка понравилась Сеиту. Он с благодарностью улыбнулся отцу и произнес:

- Спасибо, папа! Здесь очень красиво.

Потом открыл окно и выглянул.

- Не уверен, что ты сможешь что-то разглядеть в темноте, Сеит. Помойся, поешь и ложись спать.

Ганя стоял прямо за спиной отца с чемоданами. Он спросил Мехмета:

- Который ставить здесь, ваше благородие?

Мехмет показал на чемодан сына. В дверях появилась Тамара и сказала:

- Баня готова, сударь. Мы грели воду весь день.

- Спасибо, Тамара, - сказал Мехмет. - Это лучшее, что можно пожелать после утомительного путешествия. Давай, Сеит, бери свежую одежду из чемодана и иди мыться.

- Я приготовила ужин, сударь. Вы желаете откусать до или после бани, господин? - спросила Тамара.

- Сначала смоем грязь. Приведем себя в порядок, пока ты накрываешь на стол.

Улыбка Тамары обнажила ее белые зубы. Она присела в поклоне и спустилась по лестнице, а Ганя задержался, заноса чемодан Мехмета к нему в комнату. Мехмет повернулся к сыну:

- Ты не найдешь в России слуг лучше.

Глаза Сеита светились счастьем.

- Мне тоже они нравятся, - сказал он, а затем спросил: - А где твоя комната?

- Пойдем, покажу тебе. Если ночью испугаешься чего-то, можешь прийти ко мне.

Сеит заметил, что отец шутит.

- Да ладно! - сказал он и заглянул в комнату отца.

Ганя открыл большой гардероб из орехового дерева с зеркалом и принялся развешивать в нем одежду Мехмета. Большая ореховая кровать, красные занавеси, покрывала, ковер - все было так же, как в его комнате. Единственным отличием была стопка книг. Сеит был очень рад видеть, что его комната похожа на отцовскую. Это позволяло чувствовать себя взрослее. В гардеробе он заметил военную форму и блестящие сапоги, а по стенам были развешаны сверкающие сабли. И он с тоской подумал, что ему предстоят годы трудной работы, чтобы стать таким, как его отец. Но это его не печалило. Наоборот, он понимал, что стоит в начале пути и единственное, что от него требуется, - усердно работать.

Третья комната была гостевой. Она была отделана бархатом кремового цвета, с зеленым и коричневым килимами по обеим сторонам от кровати.

- А кто живет здесь? - спросил Сеит.

- Обычно здесь живут друзья, которым слишком поздно ехать домой или которым некуда ехать.

- У меня тоже будут такие друзья?

Мехмет расхохотался:

– У тебя будут самые разные друзья. Ты будешь удивляться, как много их будет.

Затем он посерьезнел:

– И тебе надо будет научиться выбирать тех, кто заслуживает твоей дружбы. Поверь мне, сын, это труднее, чем стать умелым воином.

Вернувшись к себе в комнату, Сеит пробормотал:

– Я понимаю. Мне надо многому научиться.

Длинное путешествие завершилось, вокруг было тихо, толстые бархатные шторы затемняли комнату, так что Сеит проспал довольно долго. Проснулся он от стука копыт. Было уже за полдень. Он выпрыгнул из кровати, подбежал к окну, распахнул занавеси и раскрыл окно. От явившейся картины перехватило дух. Сад был за окном. Ветви деревьев качались под легким северным ветром. Сотни птиц, чьи гнезда прятались в ветвях, щебетали и пели, приветствуя редкий солнечный день. Воздух был напоен ароматами. Вся эта красота захватила Сеита врасплох. Он увидел отца и Ганю, которые вели к дому лошадей.

– Доброе утро!

Отец посмотрел вверх и весело спросил:

– Не слишком ли поздно для «доброе утро», Сеит Эминов? Ты хорошо отдохнул?

– Так хорошо, что могу снова отправляться в дорогу.

Мехмет засмеялся:

– Нет, этого не нужно. Сегодня мы здесь. Давай умойся, оденься и спускайся обедать.

Сеит глубоко вздохнул. Их дом в Алуште тоже стоял в саду, но здесь сад пах иначе. Сеит широко раздвинул шторы и застелил постель. Умываясь и одеваясь,

от хорошего настроения он насвистывал, чувствуя, что за прошедшую неделю превратился из мальчика в юношу. Внизу в столовой он встретил отца, который пообещал взять его на прогулку после обеда. Обед, приготовленный Тamarой и состоявший из борща со сметаной на первое, утки с картошкой, жаренной на углях, со сливочным соусом на второе и пирога с вишней на десерт, был невероятно вкусным. Мехмет выпил ледяной водки и протянул стаканчик Сеиту.

– Пей, сынок! Если начнешь пить с отцом, то научишься пить правильно! Если начнешь с другими, то, скорее всего, закончишь жизнь плохо, – сказал Мехмет Эминов.

После обеда и кофе Ганя привел лошадей. Отец и сын сели в седла и поехали на обещанную прогулку. Однако скоро стало понятно, что осмотр окрестностей не был единственной целью поездки. Мехмет использовал ее, чтобы подготовить сына к тому, что его ожидает. Прогулка верхом – лучшая обстановка для разговора с глазу на глаз мужчины с женщиной.

Они проехали Нарвскую Заставу и выехали за город, мимо заводов, окружавших ручей. Деревья стояли уже так тесно, что через их кроны с трудом было видно небо. Сеит не верил собственным ушам, что отец может говорить с ним о совершенно взрослых вещах. Мехмет рассказывал ему о жизни в военной школе, о предстоящих опасностях и будущих наказаниях. Затем перевел разговор на девушек и женщин. Оценив, насколько понятно сказанное, он переходил на другую тему. Поговорив еще и увидев спокойствие на лице сына, двигался дальше. Небольшое количество водки явно помогло снять напряжение. Результат был именно таким, как он ожидал. Хотя щеки Сеита время от времени краснели, не было сомнений, что он понял цель разговора и суть сказанного. Он был умным мальчиком, но до этого разговора не знал о трудностях взрослой жизни и о том, что жизнь взрослого мужчины совершенно не похожа на ту, что он вел прежде. Истории, которые рассказывал ему отец, были совсем иного сорта, чем те, что он слышал от матери.

– Если ты хочешь пояснений, пожалуйста, не стесняйся перебить и спросить меня, – сказал отец.

Сеит не знал, о чем и спросить. Голова и так уже кружилась от всего, что он узнал. Когда Мехмет увидел его смущенные глаза и красные щеки, то с трудом удержался, чтобы не рассмеяться.

Вечером после ужина они сидели перед камином в кабинете. Отец сказал Сеиту, что романы с русскими девушками заводить можно, но к тридцати годам он должен жениться на татарской девушке из хорошей семьи.

- Почему к тридцати годам? - спросил Курт.

Мехмет улыбнулся:

- Ты спрашиваешь, почему женятся к тридцати? Потому что мужчина только к тридцати годам вступает в возраст, когда нужно остепениться. К тридцати он устает от холостяцкой жизни. Возможно, сейчас ты не очень хорошо понимаешь меня, но сейчас просто слушай внимательно и хорошенько запоминай. Запомнить и понять - это разные вещи. Ты можешь запомнить то, что я тебе говорю, но поймешь только тогда, когда переживешь все на собственном опыте. Это займет годы, сын мой.

- А когда произойдет все, о чем ты рассказываешь? - спросил мальчик, не отрывая глаз от огня.

Мехмету нравилось любопытство сына. Это усиливало чувство близости между отцом и сыном. Мехмет сел в кресло напротив и тихо сказал:

- Все то, о чем я тебе рассказываю, не имеет точного календаря. Разные люди переживают все это в разное время. Законы рождения, жизни и смерти одинаковы для всех, но сроки иных событий могут быть другими. Так происходит и в жизни мужчин, и в жизни женщин. Однако за пределами неизменных законов жизни, которые одинаковы для всех, ты должен быть очень осторожен, потому что будешь принимать самостоятельные решения и создавать собственную судьбу. Со временем поймешь, что худшие бедствия люди навлекают на себя сами своими собственными необдуманными решениями.

- А друзья бедствия навлечь могут? - спросил Сеит.

- Разве ты не сам выбрал себе друга, который принес тебе несчастье?

Мальчик неуверенно покачал головой:

– Конечно... конечно.

– Поэтому ты должен выбирать друзей осторожно. Никогда не забывай, кто ты и откуда.

– Ты имеешь в виду, что я родом из Алушты?

Мехмет засмеялся и откинулся в кресле.

– Да, точно, – сказал он, – ты из родом из Алушты, ты сын Мехмета Эминова, твои предки веками жили на этой земле, тебе принадлежат виноградники и ферма, твои потомки будут всегда жить там, где родились и живем мы с тобой. Вот что ты никогда не должен забывать. Мы – татары, мы – турки, мы гордимся своим родом. Но мы горды и тем, что являемся подданными Российской империи. Твоя обязанность, Сеит, учиться и стать лучшим в своем классе. Мы всей семьей много трудились, чтобы заслужить свой почетный статус в обществе. Через несколько лет мне предстоит уйти со службы. Нелегко дослужиться до адъютанта царя. На пути будет много людей, которые будут пытаться убрать тебя. Ты должен быть осторожен. Ничто не должно помешать тебе стать лучшим в школе. Я верю в тебя, сынок.

– Ты сказал... время делать выбор... что ты имел в виду?

Мехмет был доволен, что сын задает правильные вопросы, тем быстрее он все поймет. Ведь когда они расстанутся, мальчик останется с этими вопросами один на один.

– Это время может никогда не настать. Все может кончиться хорошо. Однако будущее России едва ли безоблачно. Ты не мог почувствовать этого в Крыму, но большие города бурлят. Люди беспокойны. Безработица становится угрожающей. Многие голодают. Может разразиться катастрофа.

Он остановился и спросил сына:

– Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Да, понимаю, – сказал Сеит.

Мехмет продолжал:

– Царь – человек хороший, но мягкий. Он окружен жадными до власти людьми. Это многим не нравится. Насколько я понимаю Россию и русских, что-то произойдет в ближайшем будущем. Если черный день наступит, твое место рядом с царем. Но если начнутся проблемы между татарами и русскими, ты сам знаешь, на какой стороне тебе быть.

– Я понял тебя, отец.

Голос Сеита звучал задумчиво. Он почувствовал, как устал. В этот день в его голову попало слишком много новой информации.

– Ладно, Сеит, тебе пора отправляться в постель, хватит лекций на сегодня.

Мехмет прошел с сыном к лестнице, рука его лежала на плече мальчика. Улыбаясь, он спросил:

– У тебя нет ощущения, что ты прожил за один день несколько месяцев?

– Есть, папа.

– Еще бы! Перед тем как мой отец отдал меня в юнкерское училище, я тоже провел несколько дней со своим отцом и пережил то же самое. Но будь уверен: тебе не о чем беспокоиться. Возможно, ты никогда не столкнешься с опасностями, о которых я говорил. Просто запомни мои слова и живи обычной жизнью. Все, что ты должен, – быть осторожным.

Он поцеловал сына в лоб и отправил его в постель.

Всю ночь Сеиту снились сны. То прекрасные видения, от которых хотелось не просыпаться, то кошмары, и он вскакивал в поту. Ему снилось, что он уже выпускник юнкерского училища. Тысячи русских красавиц окружали его. Они задирали юбки, чтобы показать ему свои ножки, желали поцеловать его, щекоча волосами лицо. Затем превращались в уродливых бродяг и нападали на него с криками «Ты из людей царя, поэтому ты должен умереть!».

Он проснулся в очередной раз, взял кувшин с ночного столика и остудил водой лицо. Затем лег, на этот раз пытаясь не заснуть, но вскоре заснул вновь.

Прошло два дня, полных отдыха, конных прогулок и разговоров у камина. Уезжая из нового дома и прощаясь с дворецким и его женой, Сеит погрузился. Отец понимал его чувства.

- Наше дело таково, - сказал он, - что ты всегда будешь в пути, трудно привязываться к чему-то надолго.

Дворецкий стоял у ворот и махал им на прощание. Сеит махал ему в ответ, пока тот не скрылся из виду. Сеит ощущал: в его жизни наступает поворотный момент. Повернувшись к отцу, он сказал:

- Теперь у меня два дома, в которые хочется вернуться.

Мехмет рассмеялся:

- У тебя будет больше домов.

Затем серьезным голосом добавил:

- Не забывай, что твоим настоящим домом всегда будет Алушта. Где бы ты ни был, помни об этом.

Стояла теплая погода. Легкий ветерок доносил ароматы деревьев и цветов. Доверительные разговоры последних дней еще больше сблизили отца и сына и еще больше сдружили. Ко всему прочему Сеит узнал, как дружить с девушками, избегая последствий.

- Осман тоже все это будет изучать? - поинтересовался он.

- Конечно, когда придет время. Правда, может, не в таком юном возрасте, как ты.

- Почему?

- Потому что он не покинет дом таким юным. У него будет больше времени. Ты должен научиться всему сейчас, ибо вот-вот останешься совсем один в школе, а тебе только двенадцать лет. Тебе надо взрослеть быстрее. Ты не можешь рисковать и совершать много ошибок.

- Я не боюсь быстро повзрослеть.

Мехмет погладил сына по голове. Он был рад. Он знал, что его сын сумеет позаботиться о себе.

Юный Сеит открывал для себя новое - одно за другим. Они ехали по южному берегу Невы, и отец показал на огромное здание:

- Это Адмиралтейство.

Затем они проехали мимо Зимнего дворца. Сеит был так поражен потрясающей красотой дворца, что не мог вымолвить ни слова. Нева, закованная в розовый и серый гранит, отполированный лучшими мастерами, делала город похожим на остров. Они еще раз проехали по Невскому проспекту, сердцу города, чтобы насладиться его красотой.

- Нева замерзает на пять месяцев в году, - сказал Мехмет, пока они ехали по одному из мостов через Неву. - Зимы здесь очень холодные и такие длинные, что, поверь мне, ты станешь тосковать по крымской зиме.

Оба рассмеялись. Стоило ли говорить о снеге и зиме?

Мехмет показал сыну здание Двенадцати коллегий, Петропавловскую крепость, собор, где были похоронены все российские императоры, начиная с Петра Великого. Они недолго погуляли по пристани у Невы.

- Каждый год более полутора тысяч судов заходит в этот порт. Население города - примерно полтора миллиона и растет с каждым днем. Примерно треть - промышленные и портовые рабочие.

- Они все русские?

– Русские. Правда, по национальности они могут быть финнами, эстонцами, евреями, поляками, кем угодно.

Сеиту чрезвычайно нравилась прогулка по Санкт-Петербургу, и ему хотелось, чтобы она никогда не заканчивалась. В конце концов отец приказал кучеру уехать с больших проспектов в лабиринт узких улочек, и, наконец, они остановились перед двухэтажным деревянным зданием, ничем не отличавшимся от соседних. Игравшие на улице ребяташки сбежались посмотреть, кто приехал.

– Здесь живут разночинцы, – сказал отец. – Это дом покойного Евгения.

– Кто это?

Мехмет объяснил:

– Он много-много лет был моим адъютантом. Умер от туберкулеза, бедняга. Здесь живут его вдова и трое детей. Бедная женщина работает на фабрике день-деньской, а потом еще и на второй работе – убирает, моет посуду, в общем, делает что придется.

– А дети не работают? – спросил Сеит и тут же понял, каким нелепым был вопрос, когда увидел босоногих детей. Старшему из их шумной компании было не больше пяти или шести лет, остальные двое были младше. Они выглядели такими изможденными, что сложно было понять их настоящий возраст.

Дети хорошо знали Мехмета. Они подбежали к нему и обняли за ноги. Светловолосые и голубоглазые, они были похожи друг на друга как две капли воды. Когда отец одного за другим поднял и поцеловал их, Сеит почувствовал легкий укол ревности. Была ли у светловолосой женщины, стоявшей наверху лестницы, связь с его отцом? До вчерашнего дня он даже не задумывался о таких вещах, но после всего, что довелось услышать, он предполагал, что у мужчины, работающего вдали от дома, может быть вторая жизнь, так что все могло быть. Внезапно он почувствовал, что ему надо защититься от этой женщины и ее детей, держаться от них на расстоянии. Он ревновал отца к ним. Мехмет взял двоих младших на руки и пошел вверх по ступенькам, третий отправился следом.

– Пойдем, Сеит. Познакомишься с семьей Евгения.

Сеит последовал за отцом по лестнице, пряча глаза и пристально следя за женщиной, которая ждала их с радостной, но застенчивой улыбкой. Голубые глаза ее сияли. Она выглядела очень молодой. Ее собранные в косы волосы такого же цвета, как у ее детей, были уложены на затылке в шиньон. Старенькое платье было залатанным, но очень чистым. На фоне красного фартука с рисунком из желтых роз и зеленых листьев выделялись покрасневшие, иссохшие, неухоженные руки.

Когда они поднялись по лестнице, она шагнула в сторону, пропуская их. Ее русский язык звучал немного иначе, чем у Гани и Тамары.

– Добро пожаловать! Вы доставили нам радость, полковник Эминов.

Она говорила почти неслышным голосом. Войдя, Мехмет отпустил малышей и притянул сына к себе. Он повернулся к женщине и представил его:

– Это мой сын, Сеит. Отныне он живет в Санкт-Петербурге. Сеит, это Верочка, вдова Евгения, о котором я тебе говорил.

Он свободно прошел по маленькой комнате, словно у себя дома, и сел в кресло под окном. Тем же еле слышным голосом она спросила:

– Хотите выпить что-нибудь, кофе, чаю?

– Нет, спасибо, – сказал Мехмет. – У нас мало времени. Мы просто заехали поздороваться.

Детский плач из соседней комнаты заставил Мехмета пораженно обернуться. Молодая женщина, все еще стоявшая на пороге, покраснела, теребя руки, опустила голову и принялась кусать губы. Исподлобья она смотрела на мужчину и мальчика. Мехмет встал и прошел в соседнюю комнату, Сеит последовал за ним. Они вошли в маленькую спальню, уставленную самодельными кроватями из досок, между которыми оставался лишь небольшой проход шириной в шаг. На одной из кроватей лежал плачущий ребенок, вертевший крохотной головой из стороны в сторону. Его лицо было красным. Он пытался поднять голову, упираясь крохотными ручками, но, не имея сил, падал на жесткую мятую постель, упав, он на мгновение перестал плакать. Верочка тут же подбежала к

ребенку и взяла его на руки. Он выглядел у нее на руках как маленький комочек. На его лысой головке торчало несколько светлых волосков. Она виновато посмотрела на Мехмета испуганными глазами и почти неслышно сказала:

- Ох!.. Поверьте, полковник Эминов... Это не то, что вы думаете...

Мехмет подошел к ней и, погладив ножку младенца, который теперь весело улыбался, сказал:

- Откуда ты знаешь, что я думаю? В любом случае какое кому дело до моих мыслей? Главный вопрос, сможешь ли ты заботиться о нем или нет?

Женщина, стесняясь говорить с Мехметом, повернула робкий взгляд к Сеиту, который пораженно следил за ними. Мехмет подмигнул ему и сказал ей:

- Не беспокойся, можешь говорить свободно, он не очень хорошо говорит по-русски и не поймет тебя.

Чтобы успокоить ее, Сеит сделал вид, что не понимает, и вышел в другую комнату, но не мог удержаться, чтобы не прислушиваться. Комнаты были такими маленькими и стены такими тонкими, что все сказанное в одной было хорошо слышно в соседней.

- Я боюсь, что вы не поймете, полковник Эминов, - сказала она, почти плача. - Но моих заработков не хватает, чтобы прокормить детей... Я давно знала его. Он был так приветлив с моими детьми... Он работает поваром на Путиловском заводе... вы знаете... он приносит еду с кухни и кормит нас... Вы понимаете меня?

- Конечно, понимаю. Перестань плакать. Я что, когда-то наказывал тебя? Кто я, чтобы управлять твоей жизнью? Все, что я могу делать, - это помогать тебе в знак уважения к памяти Евгения, вот и все!

- Я знаю, господин Эминов. Благодаря вам трудные дни позади.

- Еще не совсем, Верочка.

Она теперь говорила громче, успокоившись.

– Я знаю, господин Эминов, я знаю. Мы живем не в достатке, но, клянусь, я обеспечу моим детям жизнь лучше, чем у меня. Все, что вы даете мне, каждую копейку я откладываю на их учебу. Может быть, они пойдут не в лучшую школу, но в школу они так или иначе пойдут. Евгений хотел, чтобы его дети получили хорошее образование... поверьте мне, господин, я все еще люблю его... и я очень скучаю по нему...

Она вновь заплакала и продолжала говорить сквозь слезы: – Меня ведь нельзя считать падшей, правда? Пожалуйста, скажите мне... Вы не думаете, что я плохая, да?

Сеит пожалел о тех несправедливых мыслях об этой женщине и своем отце. Теперь он знал, как ошибался. Ему на глаза навернулись слезы. Он слышал, как отец говорил, утешая бедняжку:

– Не плачь, Верочка. Пожалуйста, не плачь. Поверь мне, я не думаю о тебе ничего плохого. Я хорошо тебя знаю и понимаю тебя. Просто плач ребенка удивил меня. Но ты не обязана передо мной отчитываться, особенно в том, что касается твоей личной жизни. Мне очень нравится твое намерение дать детям образование. Я сделаю все, что смогу, чтобы помочь тебе, поверь мне.

Она положила ребенка, уже заснувшего, на кроватку и, запинаясь, произнесла:

– Ох... он хочет жениться на мне.

Мехмет уже собирался выйти из комнаты, но остановился, повернулся и спросил:

– Ты хочешь выйти за него?

– Я не знаю. У него нет дома. Он живет на фабрике, иногда подрабатывает ночным сторожем. Если мы поженимся, у него будет куда приходить.

– Он хорошо с тобой обращается?

Она заговорила еще громче, словно бы защищая будущего мужа:

– О, полковник Эминов! Вы не поверите, какой хороший он человек. Он относится к детям Евгения, будто к своим собственным. Конечно, никто не может заменить Евгения, но, поверьте, он хороший человек.

Бедная женщина говорила так виновато, как будто Мехмет был близким родственником ее покойного мужа.

Мехмет вышел в соседнюю комнату и похлопал Сеита по плечу, а затем сказал:

– Верочка, никто не требует от тебя похоронить себя с Евгением. Ты молодая женщина и должна вырастить детей. У тебя достаточно здравого смысла, чтобы судить, что лучше для тебя. Я беспокоюсь только о тебе и твоих детях. Но если он будет хорошо заботиться о них и о тебе, то не теряй ни минуты, выходи замуж.

Женщина улыбнулась, и Сеиту от этого стало легче. Глядя на нее более пристально, он увидел, как привлекательна она была. Да, она обладала красотой, которую не смогли стереть ни бедность, ни одиночество, ни тяжелая жизнь, ни перенесенные страдания. Ее робость сменилась уверенностью. Ободряющие слова Мехмета сотворили чудо. Теперь перед отцом и сыном стоял новый человек, новая женщина, совсем не похожая на ту, которая встретила их недавно. Ее покрытые мозолями руки в то же время были тонкими и изящными, с красивыми нежными пальцами и белыми запястьями. Жизнь сурово обошлась с ней, подумалось отцу и сыну.

Верочка схватила Мехмета за руку:

– Спасибо, полковник Эминов! Спасибо за то, что поняли меня! За все спасибо!

Она благодарила его вновь и вновь. Мехмет высвободил руку, достал из внутреннего кармана пухлый сверток и вложил в руки женщины:

– Будет, будет! Вставай, Верочка.

Сеит был уверен, что в пакете деньги. Так вот в чем крылась причина ее жарких объяснений. Значит, отец помогал ей деньгами, поэтому она искала его одобрения. Не зная, что делать с пакетом, она заплакала:

– Господи благослови вас, полковник Эминов! Пусть никогда Он не пошлет горестей вашим детям.

Она снова схватила его за руку, скороговоркой повторяя слова благодарности.

Мехмет сделал шаг к выходу и попытался успокоить ее:

– Пожалуйста, не благодари меня больше. Обещай мне не отказываться от решения дать образование мальчикам. Я буду навещать вас время от времени, чтобы узнать, нуждаешься ли ты в чем-то? Ты не против?

Открывая дверь, она произнесла:

– Я обещаю вам, полковник. Они выучатся и станут важными людьми.

Затем она вспомнила что-то и сказала:

– Я каждый день молюсь, чтобы вы вернулись. Я молюсь и за вашу семью.

Когда отец и сын спускались по лестнице, она, набравшись смелости, крикнула им вслед:

– Может быть, в следующий раз он тоже будет здесь, чтобы познакомиться с вами!

Мехмет помахал ей рукой и, подталкивая сына, уселся с ним в коляску. Верочка и дети Евгения простились с ними весело. Сеит был поражен, увидев, как могут соседствовать бедность и веселье. Уже темнело, лошади зашагали по узким улочкам бедного района в направлении пышных проспектов центра Петербурга. Сеит рассматривал лицо отца. Он видел тихого, мягкого, но в то же время сильного и уверенного в себе мужчину. Каждый день он узнавал отца лучше, и чем больше он узнавал отца, тем больше гордился им. Он кинул последний взгляд на удалявшийся старый маленький дом.

«Бедный Евгений, – подумал он про себя, – бедная Верочка... и бедные дети».

Некоторое время отец с сыном не разговаривали. Мехмет первым нарушил тягостное молчание, назвав кучеру адрес, а затем, чувствуя любопытство сына, объяснил:

- Теперь мы едем к Моисеевым. Он был моим однокашником в юнкерском училище. Мы выросли вместе. Затем он поступил на флот и дослужился до капитана 2-го ранга. Его эскадра первой вступила в бой в японскую войну. Он был среди тех, кого японцы атаковали 8 февраля. За несколько дней до того, как я уехал домой в Крым на твое обрезание, он был ранен.

- Тяжело ранен?

- Думаю, что он никогда не сможет больше служить во флоте.

- Скажи мне, кто прав был в той войне, отец? Мы или японцы?

- Когда идет война, что бы ни было причиной, обе стороны должны быть уверены, что они правы. Только история скажет, кто был прав, а кто ошибался.

- Ты тоже пойдешь на войну?

- Солдат идет, куда ему приказывают. Ни один солдат не знает, куда его пошлет приказ.

- Где живут Моисеевы?

- У них хороший дом на одной из улиц неподалеку от Невского проспекта. Он из богатой семьи. Может позволить себе жить вольготно, не служа и не работая. Его отец и дед владели большей частью земли в промышленных районах города. Сергей был искателем приключений, поэтому решил пойти на военную службу. Его отец все еще жив. Когда здоровяк Сергей вернулся по ранению, отец чуть его не выпорол.

- За что?

- За то, что бросил счастье и роскошь городской жизни, для того чтобы рисковать жизнью в море.

- Почему ты называешь его «здоровяк Сергей»?

- Ты увидишь сам, какой он большой, но это не мешает его отцу время от времени устраивать ему взбучку.

Сеиту уже нравился Сергей Моисеев. Он не удержался от смеха, представив, как огромного человека наказывает его старик-отец.

- Не хихикай так, когда приедешь туда, а то будет неловко, - предупредил Мехмет сына и расхохотался сам. Затем предупредил еще раз: - Ты должен обращаться к нему - капитан Моисеев.

Он подмигнул и добавил:

- Ты знаешь, что военные любят, когда к ним обращаются по званию.

Сеит добавил:

- Как и аристократы.

Мехмет снова расхохотался в ответ на замечание сына. Затем спросил:

- Где ты это услышал?

- Ты как-то мне сказал, - парировал Сеит.

Мехмет улыбнулся, пытаясь вспомнить, когда же он так удачно выразился.

Увидев Моисеева, Сеит с трудом подавил улыбку, но послушно исполнил долг вежливости. Человек этот был невероятно велик ростом, так что отец Сеита, тоже высокий, рядом со своим другом казался карликом. Пышные усы Моисеева сливались с бородой, обрамлявшей его щеки. Черные глаза искрились. Сеит чувствовал доброту в его строгом взгляде. Он словно бы прилагал усилия, чтобы не выглядеть строгим, этот капитан Моисеев. Особенное легкомыслие, едва ли не ребячество, чувствовалось в том, как они с Мехметом пожали друг другу руки, и в том, как Моисеев подхватил Сеита на руки и подбросил в воздух. Сеит

вообразил сцену, когда этот большой нарядный человек в форме бывал наказан своим низкорослым отцом, и захихикал. Низким, грудным голосом Моисеев сказал:

– Кажется, твой сын боится щекотки. – И поставил Сеита на землю. Сеит, оказавшись на полу, еле устоял на ногах. Внезапно он увидел удивленно поднятые брови своего отца. Мехмет слишком хорошо знал, что щекотки сын не боится и хихикает не из-за нее.

«Ладно, он еще ребенок», – подумал Мехмет. Он почувствовал, что не хочет, чтобы его сын внезапно стал взрослым.

– Вы двое так и собираетесь здесь торчать? – поинтересовался Моисеев.

Они прошли через стеклянные двери в гостиную. Большая гостиная за стеклянными дверями выходила на веранду и прекрасный сад. Обставлена она была диванами и креслами, покрытыми шелком и гобеленами. Красный был основным цветом в обивке, красивых коврах, обоях и тяжелых шторах. Мягкое дыхание вечера, доносившееся из открытых дверей, слегка шевелило эти бархатные шторы и легкий тюль. Большой концертный рояль стоял почти у самого выхода на веранду. На его яркой лакированной поверхности стояли семейные фото в серебряных рамках. Газовые лампы и вазы отражали все оттенки красного.

– Тут многое изменилось, с тех пор как я в последний раз здесь был! В самом деле, очень красиво! – воскликнул Мехмет.

Моисеев взял хрустальный графин с серебряного подноса на инкрустированной подставке. Наливая ликер в хрустальные рюмки, он сказал:

– Ты знаешь Ольгу, если она проживет год, не меня обстановку, то умрет от тоски. Я уже сдался. Она делает все, как ей нравится. Ей это нравится, а мне...

Тут он махнул рукой. Передавая рюмку Мехмету, он продолжил:

– Добро пожаловать, друзья! За твое здоровье, дорогой друг!

– И за твое! – Мехмет поднял свою рюмку, сделал большой глоток и заметил: – Слава богу, у твоей жены хороший вкус. Так что тебе не на что жаловаться.

Капитан Моисеев отвел своего друга в угол, украшенный гобеленами:

– Я уже свыкся с тем, что мебель все время меняется, Эминов, а вот с тратами жены свыкнуться не могу.

Моисеев подозвал дворецкого, стоявшего наготове в дверях: – Скажи-ка, Фрол, чем мы можем угостить юношу?

Седой Фрол с непроницаемым лицом был слугой опытным и знал, что, если звучит такой вопрос, это приказ.

– Как прикажете, сударь! – с поклоном произнес он и скрылся.

– Можешь выйти в сад, если хочешь, сынок, – сказал Мехмет. Сеиту предложение понравилось. Поблагодарив отца, он вышел.

– Мне очень нравится твой сын, Эминов, – сказал Моисеев, глядя на Сеита через стекло веранды. – Он выглядит старше своего возраста.

– Он сильно вырос за последнее время, Сергей. Хотя как взрослый он ведет себя с детских лет.

Глаза Моисеева затуманились, он вздохнул и произнес:

– Хотел бы я иметь сына, похожего на твоего. Я завидую тебе, ты счастливчик.

Мехмет знал, как тоскует его друг по сыну, ведь у Моисеевых на протяжении долгих лет брака, несмотря на все усилия, не было детей. Он попытался сменить тему:

– Но, Сергей, когда ты женился на самой красивой девушке Москвы, ты думаешь, мы не завидовали?

Сергей Моисеев тут же позабыл о грусти, улыбнулся, похлопал друга по плечу.

– Конечно, завидовали! – сказал он. – Нет, что, правда завидовали?

– Да еще как.

Мехмет с любовью посмотрел на своего друга, который взял себя в руки и снова хохотал, как мальчишка. Он привык к частым сменам настроения этого большого человека. Сергей в душе всегда оставался ребенком.

Они повспоминали о старых добрых днях, о женитьбе Сергея на Ольге Чичериной, о годах, проведенных вместе. Они с восторгом повторяли друг другу истории, а затем вместе хохотали над ними. Из сада, гуляя под фонарями со стаканом лимонада, который принес ему дворецкий, Сеит с изумлением следил за этими двумя закадычными друзьями. Будет ли у него такой же близкий друг, которого он будет так же любить и так же рад видеть даже спустя много лет?

Бутылка ликера опустела наполовину и разговор поглубел, когда дверь в гостиную внезапно открылась. Когда Ольга Чичерина-Моисеева вошла, всё в комнате: вся дорогая обстановка, картины, цветы в высоких китайских вазах – все поблекло по сравнению с ней. Сеит как раз возвращался в гостиную, когда увидел женщину, и замер. Ее черные волосы, уложенные на голове, спускались волнами к шее. Чуть раскосые глаза были цвета волос. Изумрудно-зеленое шелковое платье с открытыми плечами было отделано кремовыми кружевами у шеи и запястий. Большое кольцо и сережки с изумрудами, обрамленными бриллиантами, оттеняли белизну ее кожи. Она на мгновение остановилась в дверях и смотрела на гостей с легкой улыбкой, чтобы дать им заметить, как она удивлена видеть их. Затем быстрыми шагами, элегантно протягивая руки, направилась к Мехмету, который бросился к ней. Он поцеловал ее протянутую руку, и она сказала:

– Эминов! Добро пожаловать! Почему вы так давно не приезжали?

Она подставила ему щеку для поцелуя.

– Ты великолепно выглядишь, Ольга! Великолепно как всегда, – ответил он и легко поцеловал ее в щеку. В его голосе слышались извиняющиеся нотки.

Внезапно Ольга заметила Сеита. Радостно вскрикнув, она бросилась к нему. Она остановилась перед мальчиком и опустилась на колени, чтобы обнять его и поцеловать в щеку. Затем встала, не выпуская его рук, и, заглянув ему прямо в глаза, сказала:

– Боже! Какой прекрасный сын у Эминова! Какой милый! Ему, должно быть, сейчас столько же, сколько было всем нам, когда мы только познакомились! Да?

– Ему двенадцать, – отозвался отец, гордый за сына.

Сеит смутился, оттого что незнакомая женщина уделяет ему столько внимания, а особенно оттого, как пристально она смотрит ему прямо в глаза. Он покраснел.

– Мы были в том же возрасте, а годом позже встретили тебя! Нам было тринадцать, моя дорогая Ольга, – сказал ее муж. Ольгу нельзя было назвать очень красивой женщиной, но у нее был скрытый талант согревать все и всех, привлекать к себе внимание и своей оживленностью затмевать остальных. Несмотря на свой возраст, Сеит поддался чарам этой женщины с колдовскими глазами, чьи изящные белые руки не оставались в покое ни на минуту, словно в прекрасном танце, пока она говорила. Он заметил, что и отец смотрит на нее с восхищением и что ее муж все еще влюблен в нее. Между супругами почти не было разницы в возрасте, но из-за своих размеров он выглядел лет на десять старше. Она изящно опустилась в одно из кресел рядом с мужчинами. Небрежно поглаживая своими длинными, словно вырезанными из слоновой кости, пальцами колье, она спросила Мехмета:

– Скажи мне, Эминов, как прошла ваша с сыном поездка? Как твоя семья? Как новорожденный? Расскажи мне все. Умираю от желания услышать.

Ее голос звучал столь пылко, что Сеит был уверен – ей действительно хочется знать ответы на эти вопросы. Мехмет тоже знал, что интерес ее искренен, и рассказал обо всем подробно.

– Захиде шлет вам обоим любовь и свое почтение.

Когда Мехмет женился, Ольга и Сергей поехали в Алушту на свадьбу, а затем пригласили молодоженов в свою семейную летнюю резиденцию в Ливадии. В огромном прекрасном крымском особняке обе пары провели десять дней

медового месяца, чудесные дни, которые им предстояло помнить всегда. Каждый раз, когда они встречались, разговор неизбежно переходил к воспоминаниям.

– Вы, такие большие и важные господа, даже не смогли нам, женщинам, вновь встречу устроить! Как же вам не совестно? – весело поддразнила Ольга мужчин.

– Не беспокойся, Ольга, моя дорогая, – сказал ее муж притворно обиженным тоном, – так как это большое неуклюжее тело теперь не годится для флота, я могу провести остаток дней в путешествиях. Обещаю отвезти тебя туда, куда ты хочешь. Если пожелаешь, вообще проведем в дороге всю жизнь и никогда не будем возвращаться в Санкт-Петербург.

Ольга вдруг почувствовала грусть в словах мужа. Она встала и направилась к нему. Обвила его руками и поцеловала в лоб.

– Сергей, милый, не грусти. Ты сделал все, что мог. Бог был милостив, и ты вернулся ко мне. Что бы я делала, если бы с тобой что-то случилось?

Взгляд Сергея вновь наполнился обычной веселостью. Он погладил ее руки большими ладонями.

– Не обращай на меня внимания! Когда мои раны заживут и швы снимут, я забуду обо всем, – сказал он, затем добавил: – Мое предложение в силе.

Их ужин, начавшийся довольно поздно, превратился в маленький праздник новой встречи и длился до раннего утра. Они предавались воспоминаниям и смеялись. Ольга смешно изображала жен нуворишей, недавно ставших членами высшего общества Санкт-Петербурга. Хотя Сеит не все понимал, он присоединился к общему веселью. Как этой женщине удастся быть такой красивой, очаровательной и веселой одновременно? Его мать также была красива, но он никогда не слышал от нее смешных историй. После ужина они переместились из столовой в гостиную, и, пока мужчины опять наполняли рюмки ликером, Ольга прошла к роялю. Она подобрала юбку и села на мягкий бархатный табурет. Муж принес ей рюмку ликера. Она произнесла: «Спасибо, дорогой», сделала большой глоток и поставила бокал на серебряный поднос рядом с большим подсвечником. Ее оживление внезапно унялось. Теперь она стихла. Положив руки на колени, она ждала какое-то время, а затем подняла

голову и закрыла глаза. Сеит увидел, что мужчины пристально смотрят на нее. Несмотря на свой возраст, он чувствовал, насколько эта женщина необычна. Даже легкие ее жесты привлекали внимание. Казалось, она собирается молиться. Ее спокойное лицо, освещенное только светом свечей, теперь выглядело гордым и уверенным. Пальцы ее коснулись клавиш, и она заиграла. Сергей и Мехмет стояли по обе стороны рояля с рюмками в руках. Сеит забился в большое кресло, внезапно почувствовав тоску по дому.

«Сколько времени пройдет, прежде чем я увижу маму? Как они сейчас там?» – спросил он себя. Хотя отец был рядом, Сеит вдруг почувствовал себя совершенно одиноким. Ему очень захотелось, чтобы на месте Ольги сейчас оказалась его мать. Но это было невозможно. Он с трудом сдерживал слезы. К счастью, в комнате царил полумрак и никто не обращал на него внимания. Ольга казалась единственным живым существом в этой комнате. Дрожавший свет свечей, пока она играла, навевал грусть. Сеит закрыл глаза, чтобы не заплакать, и вскоре заснул.

Когда пьеса закончилась, мужчины было зааплодировали, но Ольга прервала их, поднеся указательный палец к губам и указывая глазами на спящего мальчика. Хотя Ольга и находилась обычно в центре внимания, она всегда умела быть очень внимательна к другим. Она прошептала:

– Бедный, он, должно быть, очень устал. Как мы не подумали об этом? Как я невнимательна.

– Я уверен, мой сын очень рад, что провел эту ночь с нами, – возразил Мехмет.

Он протянул было руку, чтобы разбудить Сеита, но Ольга остановила его:

– Не буди! Я сейчас прикажу отнести его в постель.

– Не стоит этого делать, дорогая Ольга. Он теперь взрослый человек, может сам встать, пойти в свою комнату и заснуть там.

Голос Ольги был нежным, но властным:

– Что же это такое, Эминов? Разве ты не был ребенком? Разве ты не помнишь, как сладко спится в этом возрасте?

Сергей позвал слуг помочь отнести мальчика в спальню, затем улыбнулся и прошептал:

– Куда ему, Ольга! Мехмет эти годы давно позабыл.

– А ты сам? – спросил Мехмет, дразня друга.

На этот вопрос ответила Ольга, глядя мужа по щеке маленькой белой ручкой:

– О, он никогда не повзрослеет! Правда же, муж мой?

Капитан Моисеев искренне рассмеялся:

– Как замечательно, что мой отец и моя жена говорят обо мне одно и то же.

Появились дворецкий со слугой, и по знаку полковника они подняли мальчика и вынесли. Ольга тихо сказала им:

– Уложите его в постель, переодев в пижаму, но осторожно, смотрите не разбудите его.

Мехмет хлопнул ладонью по лбу:

– Господи, Ольга! Ты приказываешь отнести взрослого мальчика в постель. Никто не будет носить его в постель в школе. Как этот мальчик станет солдатом, если так его баловать?

Сергей громко рассмеялся, выливая остатки ликера из хрустального графина в рюмку.

– Теперь ты видишь, почему я плохой солдат, Эминов?

Его жена с другом запротестовали, хотя и засмеялись вместе с ним.

– Что ж такое, этот графин никогда не бывает полным! – возмутился Сергей. – Фрол! Фрол!..

Жена мягко остановила его. Она забрала графин и поставила на столик.

– Хватит, дорогой. Нам всем пора отдыхать. Наш гость слишком любезен, но мы не можем требовать от него просидеть с нами всю ночь.

Полковник смотрел на Мехмета, прося поддержки, словно маленький мальчик в поисках сообщника. Мехмет пришел к нему на помощь, сказав:

– Может, и можно выпить еще по рюмочке напоследок... – но, заметив недовольный взгляд Ольги, продолжил: – Но лучше пойти спать.

Сергей Моисеев смешно наморщился, показывая, что сдается:

– А! Я вижу, что моя дорогая Ольга сумела приручить и тебя тоже. Ладно! Что нам остается? Только повиноваться и отправиться в постель.

Затем добавил мягко, чтобы не обидеть ее:

– Ради всех святых, Эминов, иногда я задаюсь вопросом, что требует больше дисциплины – воевать в Порт-Артуре с адмиралом Алексеевым или быть здесь с моим адмиралом Чичериной-Моисеевой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tn.knigapoisk.com/ru/bezmen_nermin/kurt-seit-i-shura

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)